

Карен М. Макманус

ОДИН

ИЗ

~~НАС~~

вернулся

Заключительная часть трилогии
«Один из нас лжет»

Один из нас лжет

Карен Макманус

Один из нас вернулся

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Макманус К. М.

Один из нас вернулся / К. М. Макманус — «Издательство АСТ»,
2023 — (Один из нас лжет)

ISBN 978-5-17-160035-8

Два года назад Саймон — школьный изгой, жестоко мстивший своим обидчикам в Интернете, раскрывая самые нелюбимые их секреты, — был найден мертвым. Но эти события остались в прошлом, и тихий городок Бэйвью теперь живет обычной жизнью. Старшеклассники из Команды Бэйвью решают провести веселые летние каникулы вместе, однако внезапно узнают шокирующую новость: из тюрьмы возвращается их бывший одноклассник Джейк Риордан, который отчасти был виновен в смерти Саймона. Он лишь делает вид, что раскаивается в былых преступлениях, но друзья не сомневаются, что при первой же возможности Джейк попытается отомстить тем, кто помог упрятать его за решетку... Примерно в это же время на улице города появляется билборд со странной надписью: «НОВАЯ ИГРА НАЧИНАЕТСЯ, БЭЙВЬЮ». А потом бесследно исчезает один из членов Команды, и друзья понимают, что зачинщик не остановится ни перед чем... Кто затеял новую зловещую игру и замешан ли в этом Джейк — предстоит выяснить Команде Бэйвью...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-160035-8

© Макманус К. М., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Карен М. Макманус

Один из нас вернулся

Роман

Моим читателям

Karen M. McManus
One of Us is Back

* * *

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Karen M. McManus, 2023
© Перевод. Л. Галушкина, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Список контактов

Бронвин Рохас

Участница первоначальной Четверки из Бэйвью, сестра Мейв

Ванесса Мерримен

Выпускница «Бэйвью-Хай»

Джейк Риордан

Бывший парень Эдди

Кили Сория

Бывшая девушка Купера

Крис Бекер

Друг Купера Клея

Купер Клей

Участник первоначальной Четверки из Бэйвью

Луис Сантос

Парень Мейв, кафе «Контиго»

Мейв Рохас

Участница Команды Бэйвью, сестра Бронвин

Нейт Маколи

Участник первоначальной Четверки из Бэйвью

Нокс Майерс

Участник Команды Бэйвью, «Пока Не Будет Доказано»

Саймон Келлехер

Создатель скандального блога «Про Это»

Фиби Лоутон

Участница Команды Бэйвью, кафе «Контиго»

Эдди Прентис

Участница первоначальной Четверки из Бэйвью, кафе «Контиго»

Эли Кляйнфельтер

Адвокат из «Пока Не Будет Доказано», зять Эдди

Эмма Лоутон

Сестра Фиби, выпускница «Бэйвью-Хай»

Эштон Прентис

Сестра Эдди

Часть I

Глава 1

Эдди

Понедельник, 22 июня

– Мы правда будем это смотреть?

Мейв приподнимает пульт и округляет глаза. Этот спектакль меня только нервирует, ведь она прекрасно знает, что мы действительно собрались это посмотреть. Именно поэтому мы просиживаем штаны перед теликом в погожий летний денек.

– Сама же меня позвала, – замечаю я, выхватывая у Мейв пульт, пока она не запустила им через всю комнату. Включаю телевизор, затем перебираю каналы, пока не нахожу нужный. – Я бы и дома чудесно посидела.

– После таких просмотров тебе не бывает «чудесно», – подает голос Бронвин с противоположного края невероятно мягкого дивана.

В медиакомнате сестер Рохас гораздо удобнее смотреть телевизор, чем у меня в гостиной. Нулевая вероятность того, что к нам заглянет моя мать – приятный бонус. Правда, я не подумала, что вдобавок к приятным условиям просмотра получу лошадиную дозу заботы. Пару недель назад Бронвин вернулась на лето из Йеля и сразу попыталась взять надо мной шефство, как будто мне мало одной старшей сестры с командирскими замашками.

Нет, я не жалуясь. Я скучала по разговорам с ней в общем чате Четверки из Бэйвью, который явно пора переименовать, поскольку нас уже девять: я, Бронвин, Нейт Маколи, Мейв и ее парень Луис Сантос, Купер Клей, Крис Бекер, а еще Фиби Лоутон и Нокс Майерс – они вместе с Мейв перешли в выпускной класс. В этом чате сплошь парочки, за исключением меня и последних двоих. Хотя, возможно, выбиваюсь я одна, так как заверениям Фиби и Нокса, что они просто друзья, никто до конца не верит.

Как насчет «Команды Бэйвью»? Я беру телефон и переименовываю чат. Вроде неплохо.

– Что за мужик? – Мейв, прищурившись, вглядывается в экран телевизора. – Он, наверное, сейчас приведет...

– Нет, – обрываю ее я. – Это не репортаж из «Истленд-Хай». Он начнется в три. А это... Если честно, понятия не имею.

– Заседание городского совета, – подсказывает Бронвин. Еще бы ей не знать – наверняка смотрит подобное на досуге, чтобы развлечься. – Похоже, завершается голосование по бюджету.

– Как увлекательно. Ладно, по крайней мере, важно. – Мейв водружает ноги на журнальный столик, но, немного не рассчитав, морщится, ударившись голыми пятками о мрамор. – Это хотя бы достойно эфира. В отличие от...

– Мы смотрим местное кабельное, – напоминаю я. – Выбор сюжетов у них так себе.

Мой голос спокоен, однако сердце тревожно стучит, и я разрываюсь между желанием остаться одной и благодарностью за то, что рядом друзья. Мужчина, чье выступление мы смотрели, объявляет об окончании заседания. Экран темнеет, звучит музыкальная вставка между передачами. Мы с Бронвин и Мейв пару мгновений сидим молча, слушая нечто похожее на чересчур задорную инструментальную версию «Девушки из Ипанемы».

Затем на экране появляется наполовину заполненная аудитория и надпись внизу: «Летние семинары в старшей школе „Истленд-Хай“». Бронвин тут же срывается с насиженного места и крепко меня обнимает.

– Ой! Ты чего? – бормочу я, уронив телефон на подушку.

– Мы с тобой, Эдди! – с жаром шепчет она.

Меня окутывает неизменный аромат зеленых яблок: Бронвин пользуется этим шампунем, сколько я ее помню. А может, и дольше, ведь она – ходячий набор привычек. Как-то раз, когда Нейт особенно переживал из-за отношений на расстоянии, я подарила ему бутылочку этого шампуня, украсив большим красным бантом. Нейт вышел из себя, ради чего все и затевалось, – забавно порой сбивать с него маску «круче меня только яйца», – но подарок забрал.

– Ну разумеется, – бормочу я, выплюнув попавшую в рот прядь волос, а затем обнимаю Бронвин в ответ, потому что на самом деле мне этого не хватало.

– Добрый день, «Истленд-Хай», и добро пожаловать на наш первый летний семинар!

Мужчина за кафедрой не представляется – видимо, его и так знают. Наверное, учитель или директор. Подростки, за чьи умы он в ответе, выглядят на сотни лет младше, чем себя ощущаю я, хотя девятнадцать мне стукнуло всего-то пару месяцев назад.

– Вы посмотрите, какие трудяги! Учеба закончилась две недели назад – а они опять тут как тут! – комментирует Мейв, пока мужчина продолжает озвучивать всякие, как назвала бы это директор Гупта, «бытовые мелочи» – всевозможные объявления, которые нужно впихнуть перед началом школьного мероприятия. – Старая добрая «Истленд-Хай»! Помнишь, Бронвин, как ты подстерегла Сэма Бэррона у них на парковке?

– Не то чтобы подстерегла... – возражает Бронвин, хотя технически так оно и было.

Впрочем, я назвала бы это необходимой мерой. Сэм – парень, который по наущению Саймона Келлехера отвлек нас, когда мы отбывали наказание после уроков, – стал ключом к разгадке таинственной гибели Саймона. Такой скандальной и леденящей душу истории наш городок еще не видел. До тех пор, пока несколько месяцев назад подражатель Саймона не запустил зловещую игру «Правда или Вызов», из-за чего мы чуть не взлетели на воздух на предсвадебном ужине моей сестры.

Временами я всерьез задумываюсь, почему никто из нас еще не уехал из Бэйвью.

– Я всего лишь расспросила его. В мягкой форме, – оправдывается Бронвин. – И правильно сделала, иначе... – Она осекается, потому что наши телефоны начинают синхронно жужжать.

Пока я тянусь за своим, Мейв сообщает:

– Чат «Четверки из Бэйвью» ожил!

– Думаю, пора переименоваться в «Команду Бэйвью», – говорю я.

– Не возражаю, – пожав плечами, отвечает Мейв. – Крис пишет: «Держись, Эдди!» А еще спрашивает, заглянешь ли ты к нему завтра утром на бельгийские вафли, как договаривались. К слову, я тоже люблю вафли, если вдруг кому-то есть до этого дело. А Луис пишет: «Да пошел он!» Не про Криса, конечно, это он про...

– Понятно, – отмахиваюсь я.

Мужчина за кафедрой поднимает руку, чтобы унять охвативший аудиторию нетерпеливый гул.

– Мы, организаторы летних семинаров в «Истленд-Хай», прекрасно понимаем: есть много других способов провести столь чудесный июньский день. Однако вы здесь, и это доказывает, что наша сегодняшняя тема чрезвычайно важна.

– Важнее некуда, – бормочет Мейв, убирая за ухо выбившуюся прядь.

Волосы Мэйв такие же темно-каштановые, как у Бронвин, но недавно она сделала эффектную стрижку – небрежный боб. В детстве она поборола лейкемию и первые годы в старшей школе провела в попытках выйти из тени старшей сестры. На мой взгляд, окончательно

она нашла свой стиль именно сейчас, когда перестала завязывать волосы в фирменный «бронвинский» хвост.

– Тс-с-с! – шипит Бронвин на сестру и наконец выпускает меня из объятий.

– Мы, руководители «Истленд-Хай», хотим вдохновить вас на новые мечты и свершения и в то же время подготовить к суровым реалиям жизни, – продолжает мужчина за кафедрой. – Те решения, что вы примете сейчас, в старшей школе, определяют траекторию вашей будущей жизни на годы вперед, и неверный выбор может привести к губительным последствиям.

– Значит, теперь это так называется? – вклинивается Мейв. – «Неверный выбор»?

– Мейв, ради бога... – начинает Бронвин.

– Тихо! – рявкаю я.

Сестры испуганно замолкают. Мне стало бы стыдно за столь неоправданный выпад, которого ни одна из подруг не заслуживает, не превратись я в гигантский комок нервов. Еще пара мгновений, и я увижу...

– Никто не понимает это лучше, чем наш сегодняшний гость. Он приехал сюда благодаря программе учебного сотрудничества с Калифорнийским управлением исправительных учреждений, чтобы честно рассказать о том, как собственноручно лишил себя светлого и перспективного будущего. Итак, поприветствуем нашего гостя – бывшего ученика соседней школы «Бэйвью-Хай», а ныне заключенного тюрьмы для несовершеннолетних «Ист-Креншоу» – Джейка Риордана!

Бронвин сжимает мою руку, Мейв порывисто вздыхает, но в остальном – тишина. Впрочем, неважно. Заговори они сейчас, я все равно не услышу – так громко стучит в ушах кровь.

Джейк Риордан.

Мой бывший. Долгое время я любила его без памяти – слишком наивная и не уверенная в себе, чтобы понять, с кем имею дело. Я знала, каким ревнивым он бывает, и если тогда меня спросили бы напрямую – впрочем, никто, кроме моей сестры Эштон, этого не делал, – я, возможно, признала бы, что Джейк меня контролирует. Но я и представить не могла, что, узнав о моей измене, он вступит в сговор с Саймоном и выставит меня убийцей, а когда я попытаюсь его разоблачить – чуть меня не задушит.

Ах да. По словам его дорожной адвокатессы, Джейк на самом деле не хотел меня убивать. «Отсутствие прямого умысла» – так она это назвала, а потом наплела еще кучу юридических словечек, добившись того, чтобы подзащитного не судили по взрослой статье.

В то время многие сочли этот процесс фарсом, особенно после того, как Джейка приговорили к заключению в тюрьме для несовершеннолетних до тех пор, пока ему не стукнет двадцать пять. Все зло, что он причинил – не только мне и моим друзьям, но и Саймону, – свелось к смехотворным семи с половиной годам за решеткой. Газеты пестрели заголовками вроде «Подкуп очевиден!», активисты составили с полдюжины онлайн-петиций, требуя более сурового приговора...

Увы, память у людей короткая.

С самого начала Джейк прослыл образцовым заключенным, а в прошлом декабре стал героем документального шоу о преступниках, где его выставили, по словам репортера «Бэйвью блейд», «в неожиданно выгодном свете». Джейк вел себя образцово. Сожалел о содеянном. *Стремился помочь другим молодым людям избежать тех же ошибок.* А затем, в апреле, недели через две после свадьбы моей сестры, объявился Присяжный N.

Точнее, его бывшая девушка – она призналась, что во время суда над Джейком получила от одного из присяжных множество сообщений о ходе дела. Оказалось, Присяжный N постоянно пересылал ей конфиденциальную информацию и посещал новостные сайты, которые ему видеть не полагалось. Когда скриншоты переписки появились на сайте BuzzFeed, Присяжный N запаниковал, попытался стереть историю браузера, солгал под присягой и, по сути, организовал юристам Джейка лазейку, чтобы потребовать новое слушание.

Через несколько недель после того, как новость получила огласку, умельцы вычислили, что Присяжного N зовут Маршалл Витфилд. Как только его личные данные попали в открытый доступ, он залег на дно, и я даже пожалела бы беднягу, не подбрось он мне такую свинью.

Теперь судебный процесс возобновлен, а Джейк тем временем участвует в программе, которую Мейв в шутку окрестила «Тур покаяния Джейка Риордана». Его визиты в школы не всегда показывают по телевизору, зато когда показывают... Я смотрю. Ничего не могу с собой поделать.

– Видок у него кошмарный, – глядя на экран, отмечает Мейв.

Тут я бы поспорила. Джейк выглядит старше своих девятнадцати, но его это не портит. Он по-прежнему хорош собой: каштановые волосы коротко подстрижены, пронзительно-синие, как летнее небо, глаза сверкают на сильно побледневшем лице. Он явно тренируется еще усерднее, чем раньше, и даже бесформенная роба цвета хаки не может этого скрыть.

Под жидкие аплодисменты Джейк поднимается на кафедру – голова опущена, руки сцеплены в замок. Никаких наручников, разумеется. Только не в школе. Хотя сбоку на складных стульях сидят трое вооруженных полицейских, готовых в любой момент уладить неприятности.

Впрочем, Джейк никогда не доставляет им проблем.

– Я пришел рассказать вам о худших днях моей жизни, – произносит он тихим, серьезным голосом.

Обычное начало. Затем, держась за край трибуны и устремив взгляд на школьников, он рассказывает о худших днях *моей* жизни.

Ума ему не занимать. Он много говорит о *моральном давлении, дурном влиянии и принуждении*, словно был марионеткой Саймона, а не ревностным сообщником. Послушать Джейка, так он даже не помнит, как напал на меня и Джону Варгас в лесу за ее домом! *Я всего лишь хотел, чтобы они перестали мне угрожать*, заявил он на суде. Это мы-то угрожали?! Общественность не слишком повелась на эту сказочку, так что во время бесед со школьниками Джейк старательно обходит скользкую тему. Стоит кому-то упомянуть меня, и он сразу заводит шарманку о том, как его неверные решения навредили людям. Особенно ему самому.

В ноябре будет два года со злополучного вечера в лесу. С тех пор случилось много хорошего: я переехала к сестре, завела новых друзей, окончила школу. Затем я взяла небольшую паузу, чтобы понять, чем хочу заниматься дальше, и, наконец, решила связать свое будущее с преподаванием. Месяц назад я получила первый в жизни загранпаспорт, и в конце июля мы с Мейв летим в Перу, чтобы в качестве носителей языка поработать с детьми, изучающими английский. После этого я начну подавать заявления в колледжи. Даже мой отец, которому по-прежнему как нельзя лучше подходит эпитет «приходящий», внезапно предложил помощь с оплатой учебы.

Час Икс, когда Джейка освободят, казался мне достаточно далеким, чтобы поверить: к тому времени я буду готова, стану старше и умнее и моя насыщенная жизнь, полная важных дел, вряд ли позволит мне долго заморачиваться из-за выхода на свободу жалкого бывшего.

До недавних пор мне не приходило в голову, что часики можно перевести.

– А что об этом думает Эли? – интересуется Мейв, пока Джейк продолжает свой идеально заученный монолог. Муж моей сестры возглавляет некоммерческую юридическую организацию, поэтому он наш бессменный эксперт по всему, что касается криминала. Правда, как Эли не раз напоминал всей нашей Команде Бэйвью, чаще всего мы внимаем его советам, когда уже слишком поздно. – По его мнению, Джейка снова будут судить? Или отпустят? Или...

– Эли сейчас думает только о том, кто подменит его на работе во время отпуска по уходу за ребенком, – напоминаю я.

Из-за неожиданной беременности моей сестры Эштон – рожать ей в ноябре – я опять живу с мамой. Не сказать, чтобы мы отлично ладили, однако радостное волнение в связи с рождением ребенка немного нас сблизило. Правда, сейчас нас в основном объединяет поиск

альтернативы слову «бабушка» – чтобы не звучало по-старперски. Пока лидирует «Биби», поскольку мама категорически отвергает мою версию «Бабуйонсе».

– Эли может думать и о нескольких вещах одновременно, – замечает Бронвин. – Особенно если поймет, насколько ты встревожена.

– И ничуть я не встревожена, – не отрывая глаз от экрана, возражаю я, впрочем, приглушенно, потому что кусаю костяшки пальцев.

Джейк завершил речь и теперь отвечает на вопросы школьников.

Мальчик, сидящий в первом ряду, интересуется:

– Какая в тюрьме еда?

– Если вкратце... отвратная, – выдержав театральную паузу, выдает Джейк, и все смеются.

– Ты видишься с родителями? – выкрикивает девушка.

Камера резко перемещается, и в кадре мелькают медные кудри другой слушательницы. Такие же, как у... Нет, наверное, показалось. Хотя вижу, что Мейв тоже немногосмысленно хмурится.

– Да, правда, реже, чем хотелось бы, – отвечает Джейк. – Мама с папой от меня не отвернулись, их поддержка для меня – все. Надеюсь, когда-нибудь они смогут вновь мной гордиться.

– Буэ-э, – кривится Мейв, но даже в этой ее реплике чуть меньше привычного сарказма.

Да уж, тур покаяния Джейка Риордана чертовски убедителен.

Еще один ученик поднимает руку, и Джейк едва заметно ему кивает, приподняв подбородок. Так он приветствовал друзей в коридорах «Бэйвью-Хай», одной рукой крепко обнимая меня за плечи. Настолько знакомый жест, что пробирает дрожь.

– Если отмотать время назад, что бы ты изменил? – спрашивает паренек.

– Всё! – выпаливает Джейк.

Он глядит прямо в камеру, и я вздрагиваю, как будто он зашел к нам в комнату.

Вот оно.

То, чего я ждала, почему истязала себя просмотром этой передачи. Хочется отвести взгляд, но мне нужно удостовериться, что он по-прежнему есть. Этот огонек в глазах. Он нет-нет да и промелькнет хотя бы раз за интервью. Этот огонек выдает всю злобу, которую Джейк якобы больше не испытывает. Этот огонек означает: *мне ничуть не жаль*.

Он будто говорит: *что я изменил бы? Я сделал бы так, чтобы меня не поймали*.

Глава 2

Фиби

Понедельник, 22 июня

Я вжимаюсь в спинку стула, жалея, что не догадалась надеть худи, хотя на улице градусов двадцать пять, а кондиционера в аудитории «Истленд-Хай» нет. Я ожидала, что здесь будут камеры, но на галерке, где я выбрала место, обычно не сидят те, кто любит задавать вопросы.

Насколько я знаю, Эдди смотрит эти репортажи. Что сказать, если она меня заметит? Как объяснить... такое?

Отрицай, отрицай и еще раз отрицай. Ты в этом спец, Фиби.

– Еще вопросы? – Мужчина, произносивший вступительную речь, встает со стула в первом ряду и подходит к Джейку Риордану. – Давайте еще один – и закругляемся.

Ты действительно сожалеешь?

Есть вероятность, что ты вновь кому-нибудь навредишь?

Что сделало тебя таким?

Я хочу услышать ответы на эти вопросы. Сама я не решусь их задать, однако надеюсь, что осмелится кто-нибудь другой.

Вместо этого какая-то девчонка выкрикивает:

– Суд пересмотрит твоё дело?

Джейк опускает взгляд:

– Я предпочитаю об этом не думать. От меня ничего не зависит. Я просто пытаюсь жить достойно здесь и сейчас.

Вглядываясь в его лицо, я мысленно прошу: *пусть это будет правдой.*

Вместе с доброй половиной одноклассниц одно время я с ума сходила по Джейку Риордану. Когда я поступила в «Бэйвью-Хай», он перешел в одиннадцатый класс и они с Эдди уже считались самой крутой школьной парочкой. Я не раз наблюдала, как эти двое царственно плывут по коридорам, и восхищалась, насколько взросло и сногшибательно они выглядят. Стыдно признаться, но когда они расстались после гибели Саймона Келлехера, я первым делом подумала: возможно, теперь у меня есть шанс сойтись с Джейком? Я даже не представляла, каково приходится Эдди и на что способен ее бывший. Он мастерски прятал свою темную сторону. Как и многие другие люди.

Я понимаю, что Эдди сейчас тяжело. Поговорить бы с ней об этом – поговорить по-настоящему, а не бубнить всякий раз пустые слова поддержки. Вот только не могу. В апреле я сама обрубила все концы, и теперь единственная, кому я могу открыться, – моя старшая сестра Эмма. Которая две недели назад – сразу после выпускного – переехала к нашей тете в Северную Каролину, и если учесть, как часто мои сообщения остаются без ответа, с тем же успехом могла улететь на Луну.

Что сделано, то сделано, сказала она перед отъездом. *У нас были причины так поступить.*

– Прости, прости, пожалуйста, что так опоздала! И спасибо, спасибо тебе огромное! – сбивчиво выпаливаю я, как только, запыхавшись, подбегаю к Иви – одной из новых официанток в кафе «Контито».

Она у кассы – выдает заказ навынос. Я попросила ее прикрыть меня в начале смены, заранее зная, что не успею вернуться из Истленда вовремя, но таких пробок не ожидала. В

итоге я опоздала на час с лишним. Иви торчит в кафе с самого открытия – с десяти утра, так что имеет полное право негодовать.

Как ни странно, она весело мне улыбается. Если когда-нибудь Иви научится разливать свой неизменно позитивный настрой по бутылкам, я стану ее постоянным покупателем.

– Не парься, Фиби, – бросает она, протягивая бумажный пакет одному из наших завсегдатаев. – Я же говорила, что можешь не спешить.

– У врача была жуткая очередь, – бормочу я, извлекая из-под стойки фартук и завязывая тесемки на талии. Затем достаю из кармана резинку и кое-как стягиваю волосы в хвост. Отдельные пряди выбиваются, ну да ладно. Главное – скорость. – Все, я готова. Можешь идти.

– Спокойно, Фиби. Сперва что-нибудь выпей. Ну или к зеркалу наведайся, прежде чем идти к посетителям с таким гнездом на голове, – с ухмылкой советует Иви, накручивая на палец кончик выкрашенной в платиновый блонд косы.

– Что-что? – переспрашиваю я.

Тут из кухни выходит Луис Сантос – бойфренд Мейв – и, отсмеявшись, комментирует:

– Зачетный рог!

– Боже, – выдыхаю я, уловив свое отражение в зеркале на дальней стене. Каким-то образом я превратила себя в чокнутого единорога! Я стаскиваю резинку, поморщившись оттого, что выдрала несколько волосков, и падаю в кресло за стойкой. – Я ходячая катастрофа. Твоя мама, наверное, злится, что я опять опоздала?

– Ее тут нет. Только Па, – отвечает Луис, и я с облегчением выдыхаю: его родители нравятся мне одинаково, но как босс мистер Сантос куда лояльнее жены. – Да и работы не так чтобы много. Слишком уж хорошо на улице. Кстати... – Звенит дверной колокольчик, и улыбка Луиса становится еще шире, так как в кафе заходит Мейв и, приветствуя нас обеими руками, устремляется к стойке. – А вот и мой сигнал к отбытию. У нас с Мейв грандиозные планы! Привет, милая!

– Привет, – отвечает Мейв без привычного энтузиазма, хотя потом сливается с Луисом в поцелуе.

Я отворачиваюсь, гадая, когда наконец перестану испытывать уколы зависти при виде счастливых парочек. *Сама же решила остаться одной*, напоминаю я себе. Впрочем, легче не становится. Наверное, потому, что это сложно назвать решением.

– Ты приехала на велосипеде? – Луис выжидающе глядит на Мейв.

– Ну... в каком-то смысле... – мнется та, уперев носок кроссовки в кафельный пол. Луис приподнимает брови, и Мейв поясняет: – В основном я шла пешком. – Он вздыхает. – Прости, я не понимаю, зачем мне осваивать велик, если ты прекрасно справляешься за нас обоих.

– Не смогу же я вечно возить тебя на руле! – возмущается Луис.

– Почему нет? – парирует Мейв. – Вряд ли я внезапно вырасту, согласишься?

– Велозопея продолжается? – спрашивает Иви, пряча улыбку.

Пару недель назад Луис купил Мейв велосипед, надеясь исправить тот факт, что в детстве она так и не научилась кататься из-за постоянных походов по врачам, однако дело идет медленнее, чем он рассчитывал. Мейв не крутит педали, а, скорее, перебирает ногами по асфальту. Или, раздосадованная, просто идет, катя велосипед рядом.

– Мы отлично прокатимся! – заверяет ее Луис с неоправданным, на мой взгляд, оптимизмом.

Мейв закатывает глаза и вдруг, все еще обнимая Луиса за талию, поворачивается ко мне:

– Фиби, тут такие странные дела... Утром я смотрела по телику, как Джейк давал школьникам интервью...

Улыбка мигом исчезает у Луиса с лица.

– Да пошел этот гад, – ворчит он.

Мало что может поколебать его беззаботное настроение, но упоминание о бывшем друге работает безотказно.

– Согласна. – Мейв ободряюще сжимает его руку и вновь обращается ко мне. – В аудитории я заметила девушку с прической точь-в-точь как у тебя, а еще... – Мое сердце сжимается, потому что она окидывает взглядом мой сверкающий топ, который едва ли назовешь неприметным.

– Неужели? Ну и ну, – говорю я, пытаюсь собрать волосы в более аккуратный хвост. – Я тоже хотела посмотреть этот репортаж, но застряла у врача. Как там Эдди?

Лгать Мейв – кошмар, однако еще больший кошмар – если она узнает, что именно я скрываю.

– Все так же, – отвечает Мейв.

Такое чувство, что она хочет продолжить расспросы, но ее прерывает звон колокольчика. В дверях появляется знакомая фигура.

– Оуэн! Как жизнь, приятель? – приветствует Луис моего больше-не-такого-уж-маленького брата, когда тот подходит к стойке. – Черт! Ты что, еще на фут вымахал?

– Да нет, – бормочет Оуэн.

Последнее время шуток он не понимает.

– Твой заказ на стойке, – сообщает Иви.

Ей нет нужды добавлять «за счет заведения», потому что мистер Сантос никогда не берет с моего брата денег.

– Спасибо, – по-прежнему монотонно бубнит Оуэн и, даже не взглянув в мою сторону, забирает пакет.

Мейв перехватывает мой взгляд и понимающе улыбается: мол, парню тринадцать, что с него взять? Я заставляю себя улыбнуться в ответ, но когда Оуэн, ссутулившись, выходит и дверь с хлопком закрывается, у меня на душе скребут кошки.

– Приятно было поболтать, Оуэн, – ухмыляется Луис, и Мейв слегка толкает его локтем.

Почти три месяца назад, когда Оуэну еще было двенадцать, мы с сестрой выяснили, что он вел в Сети переписку, выдавая себя за другого (как и Эмма – она притворялась мной). Брат общался с парнем, втянувшим Эмму в зловещный план мести. Парень этот по имени Джаред Джексон пообещал добиться от моего бывшего – Брэндона Уэбера – расплаты за происшествие с автопогрузчиком, во время которого три года назад погиб наш отец. Взамен Эмма должна была помочь Джареду отомстить Эли Кляйнфельтеру, поскольку тот упек брата Джареда – продажного копа – за решетку. Эмма испугалась и дала заднюю, но в игру вступил Оуэн и продолжил начатое.

Позже Брэндон погиб – то, что поначалу объявили несчастным случаем, оказалось частью затейной Джаредом игры «Правда или Вызов». Когда Оуэн перестал выходить на связь, Джаред решил свершить свою месть самостоятельно – взорвать бомбу на предсвадебном банкете Эли и Эштон. Если бы Нокс и Мейв ему не помешали, все, кто собрался в ресторане, могли погибнуть.

Джареда арестовали, и вскоре он заявил, что я была его сообщницей. Эмма тогда лежала в больнице, так как из-за чувства вины несколько недель злоупотребляла спиртным. Сестра призналась, что это она, а не я общалась с Джаредом. Мы даже не догадывались, что в случившемся замешан Оуэн, пока не прочитали распечатку его переписки с Джаредом. Мы увидели знакомую ошибку, которую Оуэн однажды допустил при подготовке к состязанию по орфографии, – «координальный» вместо «кардинальный».

Тогда, сидя за кухонным столом с нашей матерью и адвокатом Эммы, мы с сестрой заключили негласный договор держать эту информацию при себе. У меня и в мыслях не было поступить иначе, ведь судя по сообщениям Оуэна, адресованным Джареду после смерти Брэндона,

мой брат сам не понимал, во что ввязался. Мой милый, невинный, все еще горящий по отцу младший братик никогда не желал Брэндону зла.

Однако почти сразу у меня начали закрадываться сомнения. Я знала, что нельзя никому рассказывать – особенно Мейв и Ноксу, ведь они рисковали жизнью, чтобы остановить Джареда, поэтому после отъезда Эммы необходимость хранить тайну сделала меня ужасно одинокой.

Оуэну тем временем исполнилось тринадцать. Он будто в одночасье стал значительно выше и замкнулся в себе, а меня никак не покидала мысль, что примерно в том же возрасте Брэндон случайно убил нашего отца. И если бы Брэндон не испугался ответственности, отец до сих пор был бы жив.

В результате я лгу друзьям, едва ли не преследую Джейка Риордана, а ночами сочиняю сообщения сестре, которые никогда не решусь отправить:

Что, если Оуэн станет похож на Брэндона?

Или на Джейка?

Тебе не кажется, что мы совершили ошибку?

Возможно, стоило кому-то рассказать?

Рабочий день окончен, я помогла мистеру Сантосу завершить дела в кафе, и теперь мне пора домой. Уже почти одиннадцать вечера, силы на исходе, а завтра – ранняя смена. Однако стоит мне подъехать к развилке дорог, одна из которых ведет к моему дому, как я выбираю другое направление.

Не могу удержаться. Весь день ждала.

Подъезжаю к знакомому дому, паркуюсь на подъездной дорожке, вот только парадную дверь обхожу стороной и шагаю напрямик на задний двор. Там, подтянувшись, я взбираюсь на нижнюю ветку дерева и карабкаюсь вверх до тех пор, пока не оказываюсь вровень с краем крыши, на который осторожно ступаю. Передо мной – окно, и когда я дергаю вверх подъемную створку, она легко поддается. Я протискиваюсь в комнату, по обыкновению сетуя про себя, что проем слишком узкий и маневр получается отнюдь не изящным. Спрыгиваю на деревянный пол, отряхиваю руки и, закрыв за собой окно, поворачиваюсь, чтобы оглядеть комнату.

– Ты в курсе, что у нас есть дверной звонок? – усмехается Нокс.

Он лежит с ноутбуком на кровати, обложившись десятком подушек, глаза осоловевшие – перед моим появлением он дремал. Даже несмотря на то, что напряжение, копившееся весь день, уходит, мой пульс ускоряется, поэтому, снимая кроссовки, я для надежности держусь за край комода.

– Не хочу будить твоих родителей, – оправдываюсь я. – К тому же, влезая на дерево, я ощутила себя героиней подростковой комедии, а это как раз в тему. – Я подхожу к кровати, откидываю край темно-синего стеганого одеяла и, устроившись рядом с Ноксом, утыкаюсь носом в его белую футболку для сна, как будто это мой любимый плед. – Ну, что там у нас по плану?

– «Это все она». – Нокс нажимает пару клавиш и разворачивает ноутбук ко мне. Как только закончился учебный год, мы задались целью пересмотреть все классические фильмы про старшеклассников и уже добрались до девятидесятых годов. – По-моему, это из тех фильмов, где девчонка снимает очки и превращается в королеву выпускного.

– Еще и косу расплетает, наверное. – Я кладу голову ему на плечо и вдыхаю привычный запах цитрусового мыла.

– Как же просто жилось в двадцатом веке, – вздыхает Нокс.

Я жду, когда начнется фильм, однако Нокс не спешит его запускать и долго барабанит пальцами по крышке ноутбука. Я приподнимаю голову и бросаю на него вопросительный взгляд.

– Слушай... – начинает Нокс, не отрывая глаз от застывшего экрана. – Я, конечно, рад, что ты пришла... нет, не подумай, я всегда тебе рад... не сказать, чтобы я тебя не ждал или типа того...

– Нокс, – останавливаю его я, комкая в руке краешек одеяла. – Что-то ты заговариваешься.

Недобрый знак.

– И правда. Прости. – Пальцы продолжают постукивать, а я люблю его профилем, удивляясь, почему не сразу разглядела такую красоту. Как я могла не замечать эти скулы? – Дело в том... Я хотел сказать тебе, что, ну... Думаю, нам не стоит больше так делать.

– Делать что? – Почувствовав себя уязвленной, я поднимаю голову с его плеча. – Смотреть кино?

– Нет, я не об этом. Кино ни в коем случае нельзя отменять. Я скорее о... – Он указывает на крохотное пустое пространство между нами, образовавшееся потому, что я села прямо. – Об этом. – Я вижу, как он сглатывает комок в горле. – Ты. В моей постели. Это... уже слишком.

– Слишком что? – уточняю я, заслоняясь одеялом, как щитом. – Я ничего такого не делаю!

– Угу. В том-то и проблема. – Нокс нервно трет шею. – Слушай, Фиби, я всецело уважаю твое желание просто дружить. Клянусь, я с этим смирился. Я никогда и не рассчитывал на большее.

Мое сердце сжимается от этой бесхитростной правды. Мы с Ноксом поцеловались в день свадьбы Эштон и Эли, и я думала – надеялась, – что нас с ним ждет нечто большее. А затем узнала про Оуэна. Ноксу я об этом рассказать не могла, но и отношения с такой огромной лжи начинать не хотелось. Поэтому, когда он позвал меня на свидание, я сказала, что, на мой взгляд, лучше нам оставаться друзьями. И хотя часть меня порадовалась, как быстро и легко он проглотил эту ложь, другая – огромная – часть пришла в отчаяние.

– Понимаешь, когда ты так близко... ты только не подумай, что я на тебе помешался или вроде того, – продолжает Нокс, загоняя мне в сердце еще один нож. – Просто в такой ситуации мне сложновато оставаться во френдзоне, вот и все.

Так не оставайся. Эти слова чуть не срываются с моих губ, и я хочу закрыть ему рот поцелуем, отшвырнуть ноутбук в сторону и наконец-то, *наконец-то* снять с него эту белую футболку.

Конечно, я ничего подобного не делаю. И конечно, он прав. Мой единственный источник утешения не может быть неисчерпаемым. Я поступала нечестно, а Нокс оставался человечным, так долго мирясь с этим.

– Поняла, – оцепенело говорю я, свешивая ноги с кровати. – Без проблем.

– Мы все равно можем посмотреть фильм, – говорит Нокс. – Только... ну, знаешь... внизу. Могу сделать попкорн, если хочешь.

Господи. Меньше всего на свете мне хочется сидеть с Ноксом в гостиной на противоположных концах дивана, хрустеть попкорном и смотреть фильм, на который мне трижды плевать, ведь на самом деле единственная причина, зачем я пришла, – это побыть с ним рядом. Однако он был честен со мной, и, отказавшись, я буду последней свиньей. Поэтому я выдавливаю улыбку и отвечаю:

– Отличная мысль!

Одной ложью больше, одной меньше – какая, в конце концов, разница?

Глава 3

Нейт

Среда, 24 июня

Сколько себя помню, цифровой билборд на обочине Кларендон-стрит показывал одну и ту же рекламу – с танцующей банкой энергетика, поэтому тот факт, что картинка сменилась, сразу привлекает мое внимание, когда я останавливаю мотоцикл на красный сигнал светофора.

«НОВАЯ ИГРА НАЧИНАЕТСЯ, БЭЙВЬЮ!»

Больше на билборде ничего нет – только красная надпись на белоснежном фоне. Буквы медленно гаснут, и мне даже становится интересно, что будет дальше. Но потом вспыхивает прежняя надпись про новую игру. Вот и вся интрига. Что хотели продать – непонятно. Пять баллов, господа рекламщики!

Загорается зеленый, и мой мотоцикл с ревом мчит дальше – по знакомой дороге в загородный клуб «Бэйвью». Для многих лето в наших краях означает пляжи, барбекю и отпускные фотки без фильтров во всевозможных соцсетях. А для меня лето в Бэйвью – это две работы сразу. Днем я вкалываю в строительной фирме, вечерами разливаю напитки местным богатеям, а затем пытаюсь хотя бы немного поспать в доме с пятью соседями, которым делать больше нечего, кроме как закатывать вечеринки и зазывать на них меня.

Не жизнь, а сказка!

Я въезжаю на парковку и останавливаю байк между двумя проведенными свежей краской белыми линиями. Достав телефон, чтобы узнать время, я вижу новое сообщение с фотографией. Бронвин и Стэн – это моя бородатая ящерица – сидят рядышком на громадном камне в саду у семейства Рохас. Вернувшись на лето из Йеля, Бронвин заявила, что моему питомцу необходима, как она выразилась, «физическая и умственная нагрузка». И вуаля – теперь она то и дело забирает Стэна к себе и выгуливает его на заднем дворе. Насколько могу судить, во время прогулок Стэн двигается не больше обычного, но ему, похоже, приглянулся новый камень, на котором можно сидеть.

Я с ухмылкой разглядываю фото, настроение улучшается. В ближайшие два месяца моя девушка никуда не уедет; выходит, жизнь у меня и правда похожа на сказку. Бронвин учится на юриста и могла бы проходить летнюю практику в Нью-Хейвене или Нью-Йорке, однако ее выбор пал на Сан-Диего. Представился отличный шанс поработать в стартапе, основанном женщиной, – в одну из таких фирм Бронвин мечтает когда-нибудь устроиться главным юрисконсультантом, – а значит, мне даже не стоит переживать, что из-за меня она упускает ценные возможности.

«Следи, чтобы какая-нибудь птица его не утащила», – пишу я.

«ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ МОЙ ТРУП», – отвечает Бронвин, прибавив вопящий от ужаса смайлик.

Конечно, она этого не допустит. В целом мире нет более надежного человека, чем Бронвин Рохас. Я прекрасно понимаю, насколько мне с ней повезло, поэтому и взвалил на себя две работы, учебу и дешевое жилье с невыносимым количеством соседей, чтобы не спускать все заработанное на аренду. Когда-нибудь я стану мужчиной, достойным такой девушки, как Бронвин, а не лузером, которого ей пришлось вытаскивать из тюрьмы.

А пока что – напитки сами себя не нальют.

Я глушу мотоцикл, прячу ключи в карман и направляюсь к гигантским колоннам, обрамляющим вход в загородный клуб. На краю парковки стоит доска объявлений, увешанная

рекламными флаерами всяких садовников, репетиторов, специалистов по уборке домов и выгуливанню собак – в общем, людей, выполняющих работу, на которую богатеям не хватает времени из-за постоянных тусовок в загородных клубах. Мой взгляд выхватывает незнакомую листовку. В отличие от большинства других она отпечатана на глянцевого бумаге. Никаких картинок, лишь крупная надпись красным по белому:

«НОВАЯ ИГРА НАЧИНАЕТСЯ, БЭЙВЬЮ!»

Нахмурившись, я замедляю шаг, открепляю флаер от доски и переворачиваю. Пусто. Несомненно, эта листовка дополняет билборд на Кларендон-стрит, вот только по-прежнему непонятно, чего хотел добиться автор. Разве что...

Это рекламная провокация? Теперь, когда я держу флаер в руках, меня осеняет: какой-то придурок решил напомнить горожанам об игре «Правда или Вызов», из-за которой погиб Брэндон Уэбер. Нечто подобное творилось после смерти Саймона: то и дело всплывали клоны его сайта со сплетнями. Впрочем, этим промышляли подростки, которые никогда не накопили бы на аренду билборда. Хотя, если задуматься, в «Бэйвью-Хай» полно учеников при деньгах.

– Ищешь репетитора? – раздается голос за моей спиной.

Обернувшись, я вижу Ванессу Мерримен в легком, полупрозрачном белом сарафане, накинутом поверх полосатого бикини. Мы с ней окончили школу в один год. Она дружила с Эдди, но когда та рассталась с Джейком, Ванесса встала на его сторону. Даже теперь, когда Джейка упрятали за решетку, она, похоже, не считает нужным извиниться перед Эдди. Думаю, Ванесса вернулась на лето из колледжа. Понятия не имею, куда именно она поступила, мне на нее глубоко наплевать.

Ванесса игриво прислоняется к доске для объявлений.

– Хочешь, помогу? Я прекрасно разбираюсь во многих предметах. К примеру, в человеческой анатомии. – Я сурово гляжу на нее. – Да ладно тебе! Расслабься, я пошутила! – Она взмахивает ладонью, как будто собираясь шлепнуть меня по руке, но в последнюю секунду замирает. – погоди. Тебя ведь едва не взорвали! А руки-ноги вроде целы.

– Репортеры слегка сгустили краски, – бормочу я.

Ванесса вытягивает шею и, рассмотрев мою левую руку, широко распахивает глаза. От неудавшегося теракта Джареда Джексона больше всего пострадал я. Мы с Бронвин гуляли по дендрарию позади ресторана, где Эштон и Эли устроили предсвадебный ужин. Нокс понятия не имел, что мы в саду, и, увидев рюкзак, оставленный Джаредом, отбросил его как можно дальше. Рюкзак приземлился в нескольких футах от меня и Бронвин. Мы рванули со всех ног, но так и не успели покинуть зону поражения. Я повалил Бронвин на землю, прикрыв своим телом, а очнулся с рукой, начиненной шрапнелью. Раны зажили, но полностью шрамы не исчезнут никогда.

– Ого, – выдыхает Ванесса, а затем треплет меня по щеке. – Могло быть и хуже, да? По крайней мере, твое симпатичное личико не пострадало.

Да уж, повадки у Ванессы не изменились. Она протягивает руку к флаеру, но, прежде чем ее пальцы смыкаются, я роняю листок в урну.

– Что за бумажка? – интересуется Ванесса, перебрасывая волосы на одно плечо. Они выглядят очень ухоженно и дорого: у корней волосы темнее, на кончиках – светлее, а поверх – тонкие пряди разных оттенков. Эдди сказала бы точно, как это называется. – Зачем ты ее выбросил?

– Потому что она странная. – Я иду ко входу в клуб.

Ванесса не отстает.

– В каком смысле странная?

У меня совсем нет желания обмениваться мнениями с Ванессой Мерримен.

– Тут что, все бассейны заняты? – спрашиваю я.

– Сперва мне нужно выпить, – заявляет Ванесса, поправив пляжную сумку на плече.

Затем она начинает в красках расписывать свою недавнюю поездку на Ибицу, и этот словесный поток не иссякает всю дорогу. От парковки мы доходим до главного входа, а затем – по большому коридору – к ресторану, где я работаю. Ванесса вспархивает на табурет возле барной стойки в форме буквы «U», снимает огромные солнечные очки и заявляет:

– Мне джин-тоник!

– Хорошая попытка. – Я захожу за стойку и приветственно машу Гэвину – одному из коллег по бару, который обслуживает пожилую пару в другом конце зала. – Увы, даже поддельные документы не спасут, если помощник бармена был твоим одноклассником.

– Да ладно тебе, Нейт, – надувает губы Ванесса. – Кому какое дело? Я же не за рулем.

– А что ты делала на парковке?

– Ладно, за рулем. Но ехать мне недалеко.

– Вот. – Я наливаю в стакан минералки, добавляю лед и кусочек лайма. – Тренируй воображение.

Ванесса вздыхает и с обиженным видом отпивает из стакана.

– Знаешь что? Раньше с тобой было веселее.

– Сочту за комплимент.

Она корчит гримасу.

– Зря.

– Нейт, дружище! – Меня хлопает по плечу Гэвин. Его бледное лицо за выходные порядком обгорело, а светло-каштановые волосы на лбу темнеют от пота. В баре слишком просторно, и от кондиционера толку мало. – Только что звонила Стефани. Она в пути, вот-вот будет здесь, но мне уже надо бежать. Ты не мог бы, ну, сам знаешь...

«Сам знаешь» означает «прикрой меня». По закону, пока мне не стукнет двадцать один, я не должен разливать спиртное, но руководство загородного клуба пристально за баром не следит. Я давно стал тут кем-то вроде запасного бармена.

Вообще-то я надеялся перекусить после дневной смены в «Майерс констракшн». Ехать домой смысла не было – времени в обрез, к тому же обстановочка хуже некуда – спасибо новому соседу. Единственный парень, который почти меня не раздражал, съехал две недели назад, и угадайте, кто занял его место? Регги Кроули – бывший ученик «Бэйвью-Хай», известный в основном тем, что установил в спальне камеру, на чем его и подловил Саймон Келлер. В данном случае Саймон и правда сделал то, о чем всегда заявлял: вывел на чистую воду ушлепка. Причем не сказать, чтобы с возрастом Регги одумался; когда репортеры «Бэйвью блейд» опрашивали народ по поводу криминальных телешоу, выставивших Джейка в выгодном свете, Регги на камеру заявил: *Мы с ним всегда неплохо ладили!*

Впрочем, это уже моя проблема, а не Гэвина. К тому же он так щедро делится со мной чаевыми, что я не могу его удерживать.

– Не вопрос, – говорю ему я.

– Спасибо! С меня причитается. – Он выходит из-за барной стойки.

Ванесса оживает, почуяв новую жертву.

– Привет! Мы ведь не знакомы? Я Ванесса Мерримен. – Она протягивает увешанную браслетами руку.

Гэвин ее пожимает.

– Очень рад, Ванесса Мерримен.

Он повторяет имя, как будто старается его запомнить. Возможно, так и есть. Гэвин учится в колледже и вырос вдали от этих мест, однако приятелей из Бэйвью у него больше, чем у меня. Он называет это «барменской фишкой». Мол, так ему перепадает больше чаевых.

– Не наливай ей, – предупреждаю я, доставая из-под стойки чистые бокалы и загружая их в подвесной держатель. – Ей девятнадцать.

– Как грубо, – надувается Ванесса.

С ухмылкой Гэвин стаскивает галстук, который всегда надевает на работу, хотя от нас этого не требуют.

– Прости, Ванесса. А ты, Нейт, оторвись за меня хорошенько в счастливый час!

Как только Гэвин уходит, Ванесса сжимает кусочек лайма и брызгает в меня соком:

– Для кого счастливый, а для кого – нет.

Она скучающе окидывает взглядом зал, и вдруг ее глаза меняют выражение, загораются... надеждой? Необычно для Ванессы. Проследив за ее взглядом, я вижу, как на табурет неподалеку садится элегантная, с иголки одетая женщина средних лет.

– Добрый вечер, миссис Риордан! – окликает ее Ванесса. – Как у вас дела?

Мать Джейка оборачивается к нам. Когда я только начал здесь работать, меня удивило, что супруги Риордан ходят в загородный клуб как ни в чем не бывало. Не то чтобы я долго размышлял о судьбе родителей Джейка, но если бы задумался, то предположил бы, что они уехали из города, как родня Саймона. Или хотя бы перестали появляться на людях, поскольку их сын оказался в центре грандиозного скандала. Затем я узнал мистера Риордана поближе, и все встало на свои места, ведь Джейков папаша – первоклассный говнюк. Он по-прежнему мнит себя королем Бэйвью и рад поведать всякому, кто готов – и не готов – слушать, как несправедливо обошлись с его сыночком. Он смотрит на меня так, словно видит впервые. Как будто Джейк никогда не подставлял меня и моих друзей. А еще, как вишенка на торте, – Риордан-старший оставляет дерьмовые чаевые.

Миссис Риордан, впрочем, держится иначе. Я вообще не собирался говорить с ней без надобности, но в первый же мой вечер в баре она сама отвела меня в сторонку и попросила прощения за Джейка.

– Он хочет исправиться, – сказала миссис Риордан.

Я, конечно, не повелся, хотя она, похоже, искренне верит сыну.

– Здравствуй, Ванесса! Рада тебя видеть! – улыбается мать Джейка.

Я знаю, зачем она пришла. Поскольку Стефани еще не на месте, я беру инициативу в свои руки и почти до краев наполняю винный бокал самым дорогим в баре шардоне. Миссис Риордан обычно выпивает все до капли, чтобы хоть как-то выносить козла-мужа.

– Спасибо, Нейт. – Она делает большой глоток и кладет на стойку две двадцатидолларовые купюры. – Это тебе. А вино, пожалуйста, запиши на наш счет.

– Спасибо. – Я прячу деньги в карман.

Абсурд, конечно, что самые щедрые чаевые достаются мне от матери Джейка, но факт есть факт. Я не таю обиду на миссис Риордан, иногда мы даже беседуем о чем-нибудь нейтральном вроде погоды, учебы или работы. Говорят, раньше она была большой шишкой в рекламном бизнесе, и, по-моему, она скучает по былым денькам. Чему она посвящает время сейчас, не знаю. Слишком уж депрессивная тема для расспросов.

Ванесса пододвигает свой табурет к миссис Риордан, и они начинают болтать, а я тем временем достаю телефон. Пришли новые сообщения от Бронвин, а еще ожил групповой чат, недавно переименованный в «Команду Бэйвью». С тех пор как Национальная ассоциация студенческого спорта изменила правила участия своих подопечных в рекламе, Купера буквально завалили предложениями о сотрудничестве. В конце концов он подписал один контракт, и через месяц выходит первый ролик с его участием – реклама сети фитнес-клубов, где Купер тренируется. Разумеется, Эдди сочла это отличным поводом для тусовки.

«Вечеринка с просмотром ролика пройдет в кафе „Контиго“, – пишет Луис. – Отметим твой теледебют, Куп! Хотя лучше бы ты подписал контракт с мобильным оператором. Эти ребята еще больше денег отстегнули бы».

«Нет уж, – отвечает Купер. – У них сеть лагает, звонки сбрасываются».

В этом весь Купер Клей: прежде чем ставить на продукт свое имя, сперва хорошенько его проверит, а если что-то не устроит – вежливо откажется от кучи денег.

Отец тоже прислал сообщение: *«Не могу найти ключи, – жалуется он. – Ты их видел, когда приезжал в прошлый раз?»*

«Нет», – едва не вздохнув, отвечаю я. Главное, что нужно знать об отце, – он старается. Он трезв уже почти четыре месяца и даже устроился подсобным рабочим в «Бэйвью-Хай». Не стану загадывать, надолго ли его хватит, но и ставить крест не буду. Смягчившись, я отправляю следом: *«Посмотри на столике у телевизора»*. В девяти из десяти случаев он оставляет ключи там, но даже в трезвом состоянии об этом забывает.

У миссис Риордан звонит телефон, и она жестом прерывает монолог Ванессы про Ибицу.

– Погоди секундочку... Алло?

Она отворачивается, и Ванесса, звякая браслетами, протягивает мне почти пустой стакан.

– Еще минералки, кайфолом.

Я заполняю стакан до краев, и вдруг миссис Риордан громко ахает.

– Это... точно? – затаив дыхание, спрашивает она. – Прошу вас, только не надо... Честное слово, я не выдержу, если окажется... Точно? Вы уверены? Правда? – В ее глазах уже блестят слезы. – Господь всемогущий! Я так надеялась, так молилась, но до конца не верила... Да-да, конечно, я понимаю, какой у вас плотный график. Мы приедем завтра в девять. Ни минутой позже. Спасибо, Карл! Огромное вам спасибо! – Убрав телефон, она прячет лицо в ладони.

Никогда еще не видел миссис Риордан такой радостной и окрыленной. У меня появляется дурное предчувствие. Лишь одно событие могло ее так осчастливить. Мы с Ванессой переглядываемся, и она легонько дергает мать Джейка за рукав:

– У вас все хорошо?

– Даже лучше, чем хорошо! Джейк... он...

Миссис Риордан замолкает, и Ванесса подсказывает:

– Джейку назначили новое слушание?

И хотя мне на ум пришли ровно те же слова, они все равно звучат как удар под дых. Я уже свыкся с тем, что встречаю на работе супругов Риордан, – они мне ничего не сделали. А вот Джейк – сделал. Парень, который оклеветал меня, отправил за решетку и едва не лишил надежды на нормальную жизнь, вдруг получает второй шанс! Окружной прокурор глаз с меня не спускает, а что же Джейк Риордан? У него, как обычно, все в шоколаде!

Некоторые вещи не меняются. Не меняются, мать их, никогда.

Я оттягиваю ворот футболки в надежде избавиться от кома в горле. Без толку. К черту счастливый час – побыстрее бы свалить из этого бара! Все, что мне сейчас нужно, – позвонить Эдди, хотя ей будет еще паршивей, чем мне. Это какой-то кошмар наяву, и меньшее, что я могу, – поговорить с Эдди первым, предупредить.

Миссис Риордан слишком взбудоражена, чтобы понять, насколько ее «хорошие новости» удручают остальных. Она долго роется в сумке в поисках носового платка и только потом отвечает на вопрос Ванессы.

– Все просто замечательно, – говорит она дрожащим голосом, вытирая слезы. – Джейк возвращается домой.

Глава 4

Эдди

Понедельник, 29 июня

Наш джип со скрипом въезжает на платную стоянку перед офисным зданием в Сан-Диего, и Купер со вздохом переводит его в режим «паркинг».

– Грустно признавать, но эта колымага вот-вот отдаст концы.

– С чего ты взял? – ехидно комментирую я.

По пути из Бэйвью нам пришлось буквально перекрикивать хрипы, которые издавал мотор.

– Прости. Еще вчера все было не так плачевно. Лучше бы я одолжил машину у Криса, – сетует Купер. Я собираюсь выйти, но он меня останавливает. – погоди. Сначала я разведу обстановку. – Он выбирается из машины, обходит ее кругом, осматривая улицу и ближайшие дома, и только потом открывает мне дверцу. – Горизонт чист.

– Ну ты и чудак. – Несмотря на ужасное настроение, я поневоле улыбаюсь.

Купер вырядился как шпион на задании: темные очки, надвинутая на глаза кепка, закрывающая не только светлые волосы, но и половину лица, плюс футболка с «Октоберфеста», купленная Крисом во время недавней поездки к немецкой родине. Увы, на простого туриста Купер ни капли не похож. Фигура сразу выдает в нем профессионального спортсмена.

Впрочем, сейчас его беспокоят отнюдь не бейсбольные фанаты.

– Рановато мы приехали, – замечает он, сверившись с телефоном. – Хочешь кофе?

– Нет. – Я вглядываюсь в окна кофейни на первом этаже здания, где расположен офис «Пока Не Будет Доказано». Человек пять-шесть сидят на скамье за длинным общим столом, почти все уткнулись в телефоны или ноутбуки. Обычная картина, однако фирма Эли широко известна, поэтому не удивлюсь, если в здании дежурят журналисты. Когда прогремела новость о Джейке, возле моего дома несколько дней ошивалась пара-тройка репортеров, но я уже мастерски умею от них увильнуть. – Давай сразу поднимемся в офис.

– К вашим услугам, мэ. – Купер берет меня под руку.

Я прижимаюсь к нему плечом, радуясь, что рядом друг, хотя поначалу я была против его компании. *Я продолжу жить как обычно*, заверила я всех на прошлой неделе, как только выяснилось, что Джейка ждет не просто новое слушание, а освобождение под залог. *Дни, когда Джейк на меня влиял, миновали*. И пусть я действительно так считаю, все-таки приятно, что Купер пошел со мной. Ведь в своей *обычной жизни* я теперь имею дело с запретительными судебными приказами.

– Вечером я привезу тебе все документы, – пообещал Эли, когда мы созвонились накануне.

– Нет, я сама заеду. Мне все равно надо по делам в Сан-Диего, – ответила я.

Продолжаю жить как обычно.

– Я рада, что у тебя сегодня нет игры, – признаюсь я Куперу по пути к лифтам.

В его летней бейсбольной лиге очень плотный график, хотя сезон в Фуллертоне проходил еще напряженнее.

– Я тоже, – говорит он, поворачивая плечами. – Вчера на тренировке я переборщил с подтягиваниями. Бабуля меня весь вечер отчитывала.

Проходящая мимо женщина окидывает Купера долгим оценивающим взглядом – как будто знает его, но никак не вспомнит откуда. Меня при этом она не видит в упор. Только рядом с Купером я чувствую себя невидимкой, и мне это в каком-то смысле нравится.

– Правда? – удивляюсь я, нажимая кнопку вызова. – Она же твоя главная фанатка!

– Сама знаешь, какой она стала, когда выписалась из больницы. У нее теперь пунктик – следить за здоровьем суставов, – объясняет Купер.

Пару недель назад Бабуля перенесла операцию по замене коленного сустава, и хотя восстановление проходит успешно, Купер за нее беспокоится. Она самый близкий ему человек.

Двери лифта с мелодичным звуком открываются, и мы заходим внутрь.

– Как думаешь, Бабуля сможет прийти в кафе «Контито» на вечеринку в честь твоего ролика?

– Сомневаюсь, – отвечает Купер. – Может, оно и к лучшему, потому что, по-моему, в этой рекламе я ужасен. Сам не пойму, как ты уломала меня устроить просмотр. – Лифт останавливается, и Купер морщит нос, потому что до нас долетает знакомый едкий запах. – Похоже, клиника по пересадке волос никуда не делась?

– Угу, – подтверждаю я, выходя в коридор.

– Эдди! – Дверь офиса «Пока Не Будет Доказано» с треском распаивается, и Бетани Оконджо – одна из подручных Эли – заключает меня в удушающе крепкие объятия. – Как же я рада!

– И я. – С трудом высвободив руку, я хлопаю ее по спине. – Спасибо за... м-м... обнимашки.

Я хотела сказать *спасибо за то, что чуть не сломала мне ребра*, но не стоит подтрунивать над людьми, которые о тебе беспокоятся. Это один из множества уроков, которые я усвоила за последние два года.

– Эли вот-вот закончит совещание, а вы пока подождите в Винтерфелле. – Бетани отпускает меня и указывает на открытую дверь. Встретив озадаченный взгляд Купера, который наконец-то снял темные очки, она поясняет: – Для тех, кто не знаком с «Игрой престолов», – это та переговорная, что поменьше. Проходите, не стесняйтесь. Мы заказали немного съестного на случай, если вы проголодались.

Немного съестного – это мягко сказано. Такое впечатление, будто кто-то скупил и выложил на стол все, что имелось в кофейне на первом этаже. Этим кем-то, скорее всего, был Нокс – сейчас он машет нам из более просторного конференц-зала со стеклянными стенами, где человек пять-шесть внимательно слушают Эли. Теперь, когда учебный год окончен, Нокс проводит в «Пока Не Будет Доказано» почти полную рабочую неделю. Месяц назад его повысили до ассистента, так что он уже не стажер и получает нечто весомее бесплатной пиццы и ценного опыта.

– Мне пора назад. Если что-то понадобится – зовите, – напутствует Бетани и выходит, закрыв за собой дверь.

Купер кружит у стола, как охотник в поисках жертвы. Несмотря на тренировки и строгий режим питания, его все время тянет на углеводы.

– О-о-о, шоколадные круассаны! – радуется он, сгребая две штуки сразу. Но не съедает, а заворачивает в салфетку. – Крис их обожает, – поясняет он.

– Боже, какая милота – отдавать Крису свои любимые вкусняшки! – Усевшись за стол, я тянусь к фруктовому пирожному, отщипываю с верхушки клубничину в глазури и отправляю в рот. – Идеальная парочка идеальна во всем!

– Ничего идеального не бывает, – возражает Купер.

Приторная клубника едва не застревает у меня в горле, и я с трудом ее проглатываю. Конечно, он прав, ведь нас с Джейком когда-то тоже называли идеальной парой. С виду такие яркие, счастливые, популярные – на деле мы оба были на вторых ролях в тех сферах, которые

казались нам важнее всего: в спорте Джейк никогда не дотягивал до Купера, а мне вечно доставался титул вице-мисс на конкурсах красоты. Впрочем, потом я поняла, что эти конкурсы – не мое, а что касается Джейка...

– Джейк всех нас обманывал, – тихо произносит Купер.

– Не до такой степени, – говорю я с вымученным смешком.

– А вот и нет, – возражает Купер. – То есть, я понимаю, у вас с ним были особые отношения, но я его знал гораздо дольше, чем ты. Мы начали общаться еще в конце лета перед девятым классом, и ни разу – ни единого разу – я не заподозрил, что он может причинить кому-то боль. Луис тоже понятия не имел, да и Кили...

– Давай не будем о Кили, – прошу я.

Купер поднимает брови.

– Я думал, тебе все понравилось...

– Так и есть. – Я ковыряю пирожное. – А может, нет. Не знаю. Во мне как будто... что-то сломано.

Пару недель назад моя подруга Кили Сория приехала домой, успешно отучившись год в Калифорнийском университете, и мы почти весь пятничный вечер колесили по Сан-Диего в поисках вечеринки, которую устраивал один из приятелей Кили. Когда мы не нашли нужный дом, Кили начала проверять похожие адреса и возила нас из одного странного места в другое. В конце концов мы подъехали к дому престарелых и так расхохотались, что из глаз у меня брызнули слезы. Кили попыталась их вытереть, но чуть не проткнула мне щеку своими наращенными ногтями, что рассмешило меня еще больше. А затем ни с того ни с сего мы поцеловались. Я даже не представляла, что этого хочу, пока оно не случилось. А закончилось все...

Ну, не идеально. Впрочем, как говорит Купер, ничего идеального не бывает. И все же было довольно круто.

– Ничего в тебе не сломано, – твердо заявляет Купер. – Ты ведешь себя осторожно, вот и все. И Кили это понимает. Понимает как никто другой. Уж поверь.

Купер и Кили в последнее время сблизились, но у них непростая история: в старших классах они встречались – до того, как Купер объявил о своей ориентации, – и когда Кили узнала, ее это сильно задело.

– Она ведь тебя не торопит?

– Конечно нет, – бормочу я. – Это же Кили. В любом случае она сейчас в отъезде.

Каждое лето Кили проводит с родителями на Кейп-Коде. Они уехали туда на прошлой неделе. Стыдно признаться, но в какой-то мере я почувствовала облегчение. Совсем как в тот момент, когда Дэниэл – парень, с которым я встречалась пару месяцев назад, – без лишней драмы принял мое предложение остаться друзьями. Пусть даже на самом деле я этого не хотела.

С тех пор, как арестовали Джейка, моя личная жизнь идет по однообразному унылому сценарию: сперва я кем-то увлекаюсь, мы проводим несколько крышесносных недель, а затем дурацкий сдвиг в моем мозгу все портит. Какой-то глубинный страх, инстинктивная реакция – «бей или беги» – вынуждает меня отталкивать людей. Я вовсе не против оставаться одной – во многом я даже полюбила одиночество, – но я хотела бы выбрать такую жизнь осознанно. А не от страха.

Купер был первым, кому я рассказала про Кили. Их связывало прошлое, и я хотела избежать возможных неловкостей. Думаю, его тронуло, что я совершила перед ним нечто вроде каминг-аута, пусть я и сама до конца не разобралась в себе. Мне по-прежнему нравятся парни, и я сомневаюсь, что до Кили меня хоть раз тянуло к девушке. Возможно, нечто подобное случилось, но я не знала, как реагировать. Когда я поделилась этими мыслями с Купером, он напомнил, что ярлыки ничего не значат.

– Просто люби того, кого любишь, – сказал он.

Вот и сейчас Купер возвращает меня к реальности, ободряюще хлопнув по плечу.

– Дай себе время, Эдди. Еще и двух лет не прошло с тех пор, как ты выпуталась из лап Джейка.

– Тем не менее он уже вышел из тюрьмы, а я ни разу не продвинулась дальше второго свидания, – жалуюсь я, заталкивая в рот остаток пирожного.

Эли наконец-то выходит из большой переговорной. У него в руках внушительная стопка папок, поэтому Купер вскакивает с места и придерживает для Эли дверь.

– Спасибо, Купер. Привет, Эдди. Прости, что заставил ждать. Рад, что вам понравилась еда. – Эли задерживает взгляд на моих набитых щеках.

Думая, что проглочу столько теста разом, я переоценила свои силы. Я начинаю жевать интенсивнее и приветственно машу. С приходом Эли я успокаиваюсь. Несмотря на то что у него на работе частенько творится полнейшая неразбериха, он один из самых компетентных и надежных людей в моей жизни.

– Надолго я вас не задержу, потому что новости хорошие. Ну, насколько они могут быть хорошими в данных обстоятельствах. – Эли сбрасывает папки на стол и открывает верхнюю. – Мы добились всего, о чем просили, Эдди. Джейку запрещено приближаться менее чем на двести метров к твоему дому, моему с Эштон дому и кафе «Контиго». Ему запрещено с тобой общаться, а также...

– Как такое вообще возможно? – вклинивается Купер с несвойственной ему злостью. Широкими шагами он подходит к окну и, уперев руки в бока, выглядывает наружу. – Три свидетеля рассказали о том, что Джейк сделал с Эдди, включая ее саму! Эдди попала в больницу! Не говоря уже обо всем прочем дерьме, что он творил. Возможно, Саймон был бы еще жив, не помоги ему Джейк. Почему все эти доводы вдруг обесценились?

– Не обесценились, – вздыхает Эли, взъерошивая волосы, которые заметно отросли со дня свадьбы, ну или стали пышнее, хотя до прежней шевелюры безумного ученого еще далеко. – Однако беспристрастие присяжных – это фундамент нашей системы правосудия. К тому же тюрьмы сейчас переполнены. Прибавьте еще юный возраст и участие в общественных работах... В итоге имеем то, что имеем.

Купер все еще глядит в окно, желваки на его скулах подрагивают. Эли садится рядом со мной и берет мои ладони в свои:

– Эдди, я понимаю, насколько ты расстроена. Я, как никто другой, голосую за справедливый суд, но даже меня корбит от происходящего. Как бы там ни было, суд разделяет твои опасения, поэтому в твоём защитном предписании учтены малейшие нюансы. Более того, за перемещениями Джейка будут внимательно следить, а новое слушание назначат на ближайшее время.

– Мне снова придется давать показания? – От одной мысли у меня пересыхает в горле.

Да, в прошлый раз мне понравилось выступать против Джейка, и я спокойно перечислила все плохое, что он сделал. Однако у меня нет никакого желания это повторять.

– Возможно, не придется. Давай поговорим об этом позже. А пока – вот твоя копия. – Эли достает из папки скрепленную степлером пачку листов и кладет передо мной на стол. – Можем детально обсудить все пункты, но вот что главное: со стороны Джейка будет огромной, колоссальной ошибкой хотя бы посмотреть в твою сторону. Малейшее нарушение запрета отправит его обратно за решетку и станет новым доказательством его вины.

– В прошлый раз улики его не заботили, – бормочу я, повесив голову. – Вот бы поехать в Перу прямо сейчас, а не ждать до конца июля...

Изначально я планировала провести там большую часть лета, но руководство школы, в которую я устроилась на подработку, – «Колехио Сан-Сильвестре» – решило поделить учебный курс на два потока. Мы с Мейв хотели преподавать в одно время, а такую возможность давала только запись на второй поток.

– Эдди, не переживай, – говорит Купер, складывая руки на груди. – Отныне и пока ты не зайдешь в самолет, твои друзья ни на минуту не оставят тебя одну. А те, кто не будет тебя сопровождать, глаз не спустят с Джейка.

– Вот этого точно не надо, – протестует Эли.

– Уже засек что-нибудь подозрительное? – усмехаюсь я. Купер в режиме телохранителя невольно вызывает у меня улыбку.

Мой друг вновь устремляет взгляд в окно:

– На противоположной стороне улицы довольно давно стоит какая-то развалюха с включенным двигателем. Красный кабриолет, коричневый верх. – Он приникает к стеклу. – Правда, Джейк скорее умер бы, чем сел в такой драндулет. Эх, подобраться бы ближе...

– Так, Купер. Я уже устал повторять. – Эли, похоже, начинает злиться. – Никакой самодеятельности! Что бы ни случилось. Это касается вас обоих, и остальных тоже. Всей этой вашей Банды Бэйвью, или как вы там зоветесь...

– Команда Бэйвью, – подсказываю я.

– Без разницы, – отмахивается Эли. – Ноксу я сказал то же самое. Если не послушает – уволю к чертям.

– Да ладно, не уволишь, – фыркаю я, ощутив прилив нежности при виде тщательно рассортированных документов у Нокса на столе.

Еще три месяца назад я едва его знала, но к человеку, который спасает десятки жизней, поневоле проникаешься симпатией. Теперь он мне как младший брат, о котором я, видимо, втайне мечтала. А еще он терпеливо относится к тому, что время от времени, когда я задумываюсь об опасности, грозившей моей сестре и почти всем моим родным и близким, мне нестерпимо хочется обнять его за шею и пару минут не отпускать.

– Насчет Нокса я не шучу, – говорит Эли, но я все равно ему не верю. – А что касается остальных... – Тут он хмурится, потому что из пачки листов, которые я изучаю, выпадает конверт и приземляется на стол надписью вниз. – Стоп. Как он здесь оказался?

Пару секунд мы молча смотрим на конверт. В глазах у Эли мелькает беспокойство, и мне вспоминаются зловещие письма, которые еще недавно присылал ему Джаред Джексон – парень, чьего брата-преступника Эли помог упрятать за решетку. Со временем угрозы становились все страшнее. Дошло до того, что Джаред пронес бомбу к Эли и Эштон на банкет.

– Неужели опять... – Я выхватываю конверт у Эли из-под носа и дрожащими пальцами переворачиваю. Тут я удивленно моргаю, а Эли ерзает на стуле. – «Ребенок Кляйнфельтер-Прентис», – читаю я. – Это что, снимки узи?

– Нет, – отвечает Эли. – Там информация о поле ребенка. Мы не хотели знать заранее, однако медсестра все равно отдала нам результат. Эштон попросила меня выбросить конверт, не распечатывая, но это ведь несчастливая примета или вроде того... вот я его и оставил. Ума не приложу, как он попал в документы. – Я улыбаюсь, глядя, как его щеки заливаются краской; про Джейка мы временно забыли. – Я его не открывал, не подумайте. Вообще не хотелось. – Эли краснеет еще сильнее. – Ну, почти.

– Вы точно *оба* не хотите знать? – с ухмылкой уточняет Купер. – Или только Эштон?

– Оба, – заверяет его Эли. – Хотя мне чуточку любопытнее, чем ей.

– Не возражаешь, если он полежит у меня? – Я прячу конверт в сумку.

– Ты же заглянешь туда, как только мы сядем в машину, – шепчет Купер, наконец отлипнув от окна.

– Посмотрим, – ухмыляюсь я.

Настроение у меня улучшается. Приятно, после такой-то недельки, стать хранительницей тайны, в которой точно нет ничего плохого.

Глава 5

Фиби

Среда, 1 июля

Человек не способен думать о многих вещах одновременно, и сейчас, после четырех часов работы в кафе «Контиго», я достигла своего предела.

– Если вы не любите ни мясо, ни лук, ни чеснок, ни оливки – тогда, возможно, вам не стоит заказывать эмпанату? – говорю я женщине за угловым столиком. – Наверное, вы хотите кусок теста? К сожалению, в нашем меню такого блюда нет.

Посетительница изумленно моргает: вы только подумайте, ей нагрубили среди бела дня! Открываю рот, чтобы извиниться, однако горло перехватывает и на ум приходит одно: *«Простите, вы знаете, что такое „последняя капля“? Это вы»*. Впрочем, прежде чем она успевает на меня пожаловаться, из-за моей спины выныривает Иви с блокнотом и ручкой наготове.

– Фиби, у тебя сейчас перерыв, – бодро говорит она. Ее улыбка дружелюбна под стать голосу, но рука твердо ложится мне на плечо. Иви уводит меня от столика – от пристального взгляда миссис Сантос. – Присядь, отдохни, а я разберусь.

– Окей, – сухо отвечаю я. Затем, спохватившись, добавляю «спасибо», однако Иви уже стоит за плечом у гостыи, подсказывая, что еще можно заказать.

«Она-то вряд ли предложит кусок теста», – посещает меня неприятная мысль. А если вспомнить все мои опоздания – не удивлюсь, если у миссис Сантос лопнет терпение.

Чувствуя спиной взгляд начальницы, я обдумываю дальнейшие действия. Больше всего меня тянет скрыться на кухне и хотя бы пару минут посидеть в тишине и покое, но за дальним столиком доедает ужин мой младший брат. Как обычно, Оуэн сидит один, уткнувшись в телефон. У ног – черный рюкзак, светлые с рыжинкой волосы свисают на лицо. Для миссис Сантос нет ничего важнее семьи, и если я прошмыгну мимо одинокого брата, не перемолвившись с ним и словечком, то паду в ее глазах еще ниже.

С натянутой улыбкой я сажусь напротив Оуэна.

– Как еда? Вкусно?

– Сойдет, – отвечает он, не поднимая глаз.

Мама подарила ему на день рождения реплику «эйрподс», и сейчас один наушник торчит у него в ухе.

– Надоело сидеть дома? – интересуюсь я, пытаюсь симитировать жизнерадостный тон Иви.

Когда мы с мамой обе работаем, Оуэн обычно заказывает еду навынос. Днем мама трудится офис-менеджером, а отдельные вечера и выходные уделяет своему бизнесу по организации свадеб. После катастрофы, которой обернулся предсвадебный банкет Эштон и Эли, дела пошли хуже, а теперь все потихоньку налаживается.

Оуэн пожимает плечами, и повисает молчание. Я делаю еще одну попытку:

– Чем занимаешься?

– Смотрю «ТикТок».

– Есть что-нибудь интересное?

Брат наконец-то поднимает голову, и в его взгляде угадывается оживление. У меня теплеет на душе. Учítывая, как сильно и быстро он изменился, это настоящий подарок судьбы – мельком увидеть прежнего Оуэна: добродушного, увлеченного мальчика, который часами мог рассуждать о починке тостера. И вдруг мой брат говорит:

– Тут один чувак запостил ролик про то, как его девчонка утонула во время рыбалки. Ее утащил под воду гигантский карп. Но потом выяснилось, что она жива, а парень все выдумал. Она даже не подозревала ни о чем, пока сама не увидела видео.

Вот так, в один миг, прежний Оуэн исчезает.

– И зачем он это сделал? – возмущаюсь я.

– Чтобы набрать просмотры, – объясняет брат таким тоном, будто это прописная истина. – Кстати, сработало! Этот ролик стал самым популярным на его страничке. Под миллион просмотров. – От его ухмылки у меня по коже пробегает холодок.

– Это не смешно, – сурово замечаю я.

– А по-моему, смешно. – Оуэн продолжает листать «ТикТок».

Я прикусываю губу, едва не спросив: «*Что с тобой не так?*» Знаю, что возразили бы Мейв, или Нокс, или мама, или практически любой, кто наблюдал за недавней трансформацией Оуэна: «*Чего ты хочешь? Ему тринадцать!*» Да, это так, но верно и другое: именно Оуэн поддерживал смертельную игру, которая в итоге убила моего бывшего. На этом фоне усмешки по поводу мерзкого пранка – сущий пустяк.

Впрочем, мы с братом не можем это обсудить: он уверен, что я ничего не знаю. В апреле-мае, когда Эмме грозили проблемы с законом, я в глубине души надеялась, что Оуэн сознается, что совесть не позволит ему наблюдать, как сестра принимает удар на себя. Я думала, он хотя бы повинится перед родными, если духу не хватит пойти в полицию. Увы, Оуэн ничего не сделал.

И пусть до суда в конечном счете не дошло, нельзя сказать, что Эмма избежала наказания: она лишилась стипендии для одаренных учеников, на которую рассчитывала, чтобы поступить в колледж, потеряла всех клиентов как репетитор, а небольшая, но активная прослойка жителей Бэйвью заклеила ее убийцей, обманувшей закон. Поэтому Эмма и уехала на другой конец страны к нашей тете. Как минимум на лето, а там – кто знает. Моя умная, прилежная сестра, полжизни строившая планы на колледж, столкнулась с опустошением и будущим, которого нет.

А брат тем временем живет как ни в чем не бывало.

– Видела вот это? – внезапно спрашивает Оуэн, протягивая мне телефон.

Я беру его с опаской – совсем не хочется смотреть очередное токсичное видео, – однако на экране всего лишь фото из «Инстаграма»¹: билборд на Кларендон-стрит с надписью: «**НОВАЯ ИГРА НАЧИНАЕТСЯ, БЭЙВЬЮ!**»

– Видела.

– Есть продолжение. – Брат пролистывает первое фото в «карусели» и показывает следующее.

На втором снимке тот же билборд, но текст такой: «*Правило лишь одно*». Тот, кто выложил фотографии, – кем бы он ни был – добавил к посту подпись: «*Дайте угадаю. Правило лишь одно – НИКАКИХ ПРАВИЛ, МУА-ХА-ХА! (смайлик с черепом)*».

Неприятное тянущее ощущение под ложечкой, не покидавшее меня весь вечер, после комментария Оуэна усиливается.

– Странная реклама, да? Что они вообще продают?

Я вглядываюсь в его лицо, пытаюсь разгадать, что кроется за бесстрастным взглядом и ровным голосом. Почему его зацепили слова на билборде? Напомнили об игре «Правда или Вызов», погубившей Брэндона? Может, Оуэн напуган? Или его забавляет чужой страх?

Не его ли это рук дело?

Нет. Чуть ли не какая! Может, брат и разбирается в технике, но даже ему не под силу хакнуть рекламный щит. Наверное. Хотя есть не только билборд...

¹ Проект Meta, деятельность которой на территории РФ запрещена.

– А флаеры ты видел? – спрашиваю я, но взгляд брата уже вновь прикован к телефону. Оуэн усмехается.

– Ты слышал, что я спросила?

– Я балдею от роликов скейтбордистов, – сообщает брат. – Один придурок прыгнул ласточкой с рампы. Кровищи-то!

– Не смотри эту муть!

– Все лицо в месиво! Похоже, ему конец. – Оуэн фыркает от смеха.

Не успев осознать, что делаю, я выхватываю у него из руки телефон.

– Это. Не. Смешно! – Затем я выдергиваю из его уха наушник.

– Ай! – Поморщившись, Оуэн хватается за ухо. – Ты нормальная вообще?

– А ты? Ты нормальный, Оуэн?!

Боже. Как только эти слова срываются с языка, я понимаю, как громко их прокричала – и как отчетливо меня слышали в каждом уголке небольшого кафе. Оуэн сидит, открыв рот, весь зал пялится на нас, а мои щеки заливаются румянцем, потому что от кассы к нам царственно плывет миссис Сантос.

– Фиби, не пора ли тебе домой? – говорит она. – Ты сегодня и так перерабатываешь. Поручим твои столики Иви. Она справится.

Я чувствую безотчетный укол раздражения: Иви во всем так чертовски хороша, что на ее фоне я выгляжу просто ужасно.

– Все в порядке, я вовсе не уста... – протестую я.

Миссис Сантос обрывает меня на полуслове:

– Нет, ты поедешь домой.

Конец предложения – *«или больше сюда не вернешься»* – не озвучен, но вполне очевиден.

– Хорошо, – вздохнув, соглашаюсь я.

Мне трудно поднять глаза на Оуэна, который возится с наушником, и все же я заставляю себя спросить:

– Тебя подвезти?

– Сам дойду, – бормочет он. – Хочу еще тут посидеть.

Миссис Сантос гладит его по плечу.

– Принесу тебе альфахоры, – говорит она и удаляется на кухню.

Если посетительница, потребовавшая эмпанату без начинки, и не была последней каплей, то ей стало осознание того, что меня вышвыривают из моего, по сути, второго дома, а мой братец-психопат получает тарелку печенья.

Теперь вся моя жизнь превратится в череду этих «последних капель»?

Я молча встаю из-за стола и плетусь на кухню за вещами. Коллеги слишком заняты, чтобы со мной разговаривать, или уже в курсе моего срыва и *дают мне побыть одной*. Эту тактику я ненавижу с тех пор, как Эмма применяла ее ко мне после смерти отца. Не понимаю, как можно смотреть на человека, который явно расстроен, и думать: *«Что ему сейчас нужнее всего? Конечно, еще покопаться в собственных мыслях!»*

У двери меня кто-то окликает. Обернувшись, вижу Мэнни – старшего брата Луиса – с крафтовым пакетом в руках.

– Ты не могла бы захватить? Это для миссис Клей.

– Конечно!

В кафе «Контиго» нет доставки как таковой, но для бабушки Купера, перенесшей операцию на колене, семья Сантос делает исключение. Я всегда вызываюсь отвезти ей еду, потому что миссис Клей, которая упорно просит звать ее Бабулей, – крутецкая. Есть и дополнительный плюс в том, что мы с ней дружим: я перестаю стесняться рядом с ее звездным внуком. Сложно трепетать перед человеком, пересмотрев все его детские фотки.

– Отлично, спасибо! Ты ее любимица, – добавляет Мэнни, отчего у меня немного теплеет на душе.

Я выхожу из кафе и вижу пустое место на том, где должна стоять моя машина, а затем вспоминаю, что с утра стоянка была забита. Мне пришлось припарковаться в добрых пяти минутах отсюда, в конце идущего под горку переулка. На подходе я достаю ключи, хмуро разглядывая асфальт: не припомню, чтобы склон был настолько ухабистый... О нет!

Это не дорога такая неровная, дело в машине. Задняя шина с водительской стороны спущена!

– Вот черт! – Я со злости пинаю колесо – пожалуй, слишком сильно.

Не хватало мне *еще одной* «последней капли»! Большой палец ноги пронизывает боль, и я, пританцовывая, кладу пакет с едой для миссис Клей на асфальт, а затем роюсь в сумке в поисках телефона.

Нужно сообщить в кафе, чтобы доставку для миссис Клей поручили кому-нибудь другому, а затем позвонить в автосервис. Но как только я достаю телефон, меня посещает идея обратиться к Ноксу. В прошлый раз, когда на нашей с Эммой древней «Королле» спустило колесо, Нокс его поменял. Так медленно и старательно, что у меня чуть не лопнуло терпение, однако сейчас это одно из моих любимейших воспоминаний. В те дни скрытые таланты Нокса не переставали меня удивлять.

В те дни... Еще и четырех месяцев не прошло, а по ощущениям – целая вечность.

Если я позвоню, Нокс мигом сорвется с рабочего места. Но стоит ли звонить? С тех пор, как он выставил меня из своей кровати, мы уже несколько раз встречались. Я всеми силами стараюсь следовать его примеру и вести себя как обычно. Только не понимаю, что в нашем случае значит «обычно»?

– Проблемы?

Я поднимаю взгляд и, все еще неуверенно наступая на ушибленную ногу, едва не падаю.

На тротуаре возле моей машины стоит Джейк Риордан! В небесно-голубой футболке и джинсах. Как самый обычный прохожий, а не монстр, который являлся моим друзьям в кошмарах. От неожиданности я открываю рот, но спазмы в горле не дают выдавить ни звука.

– Похоже, у тебя шина спущена, – дружелюбно замечает Джейк. У него за спиной стоит элегантная женщина средних лет в платье-футляре с цветочным принтом. У нее такие же синие глаза и каштановые волосы, как у Джейка. – Помощь нужна?

Я стою как истукан, не в силах сказать ни слова. Женщина нервно на меня косится и трогает Джейка за руку:

– Наверное, она уже вызвала подмогу, сынок.

– Еще не вызвала, – вырывается у меня, и Джейк расплывается в улыбке.

– Запаска есть? – спрашивает он.

Я гляжу на пакет с остывающим ужином миссис Клей. И сама не понимая почему открываю багажник.

Наблюдая, как я вожусь с защелкой, Джейк говорит:

– Давай лучше я.

Я отхожу в сторону, освобождая куда больше места, чем требуется, а он вытаскивает запасное колесо и домкрат. Джейк с легкостью мастера приседает на корточки рядом с машиной, действуя настолько же быстро и уверенно, насколько Нокс был нетороплив и осторожен. Несколько минут проходят в молчании. Я бросаю взгляд на миссис Риордан, она отвечает смущенной улыбкой. Я чувствую, что нужно из вежливости что-то сказать. Но что? Как я вообще такое допустила? И что здесь делает Джейк? Ведь мы всего в паре кварталов от дома Эдди! Взглянув на его лодыжку, замечаю отблеск черного пластика. По крайней мере, он под надзором. Но не слишком ли великодушно – пускать его в центр города?

– Тебя зовут Фиби, да? – спрашивает Джейк, снимая старое колесо.

– А? – Я так пугаюсь, услышав собственное имя, что делаю еще один шаг назад.

Джейк возился с колесом и, наверное, ничего не заметил. Да меня и не волнует его мнение. Ну, сочтет он меня грубиянкой – и что? Разве я его боюсь? Вовсе нет. Пока он с матерью – опасаться нечего.

– Ты – Фиби Лоутон, верно? – продолжает он, водружая новое колесо на место. – Помню тебя по школе.

Врешь, думаю я. Ты меня запомнил, когда смотрел новости в тюрьме. Неудавшийся теракт Джареда Джексона не так широко освещался в прессе, как смерть Саймона, но тоже наделал шуму.

Впрочем, я смогла выдавить только «угу».

– Рад снова увидеться, – говорит Джейк.

Да что ж такое! Как прикажете на это отвечать? *«Не могу сказать того же, но спасибо за помощь»?* Хорошо, что он почти закончил с колесом... Нет, не почти – совсем закончил. Джейк убирает спущенное колесо туда, где лежала запаска, кладет на место инструменты и закрывает багажник.

– Быстро ты, – с явным облегчением говорит его мать.

А я до сих пор его не поблагодарила. Не могу я сказать «спасибо» Джейку Риордану! И без того такое чувство, будто я предала Эдди. Меньшее, что я могу сделать, – не благодарить человека, который чуть ее не задушил, и... Боже, они оба на меня таращатся. Как бы поскорее избавиться от них?

Скажи что-нибудь, Фиби. Что угодно.

– Я... Пора мне самой научиться менять колеса, – выдавливаю я.

Джейк молча стоит, уперев руки в бока. И буквально впивается в меня взглядом. Секунда, другая... Я не выдерживаю – отступаю еще на шаг. Джейк вновь улыбается, и на этот раз скорее хищно, чем приветливо.

– Это проще простого, Фиби. Дело практики.

Джейк

6 лет назад

– Ты играешь или как?

Джейк сам до конца не понимал, что именно его злит. Нет, он больше не хотел играть в приставку. И так три часа провел перед теликом, надоело. Ему скучно, и точка. Вернее, *сложно усидеть на месте*. Осталось одно лето – и он в старшей школе. Джейк думал лишь о том, что жизни пора предложить ему нечто большее, чем видеоигры в гостинной на пару с Саймоном Келлехером.

Ростом Джейк еще не сравнялся с отцом, но уже его догонял. В восьмом классе он продемонстрировал такие успехи в футболе, что тренер предложил ему попробовать свои силы в команде «Бэйвью-Хай». Девушки теперь смотрели на него иначе, и когда он оглядывал себя в зеркале – что за последние недели случалось частенько, – то понимал почему. Черты его лица менялись в лучшую сторону, теряя то, что мать насмешливо называла *детским жирком*. Джейк Риордан наконец-то начинал путь к успеху.

А что же Саймон? Саймон Келлехер так и остался тощим, нервным, озлобленным занудой. Он ненавидел спорт, вечеринки и вообще находиться вне дома, а еще – львиную долю людей. Месяц назад он только и делал, что ныл, когда Джейк убедил его посмотреть бейсбольные матчи Малой лиги, хотя весь город не отлипал от экранов: шутка ли, команда Бэйвью прорвалась в полуфинал! Купер Клей – новичок, приехавший из Миссисипи, – бросил потря-

сающий ноу-хиттер, и команда упустила шанс побороться за чемпионство лишь из-за ошибок филдеров. Глядя на Купера, такого стойкого и невозмутимого в стрессовой ситуации, – несомненно, будущую звезду «Бэйвью-Хай», – Джейк думал об одном: *«Вот какие друзья мне нужны»*.

Пока что, впрочем, он прозябал в компании Саймона.

Входная дверь открылась, и басовитый голос прогремел:

– Кэтрин, я дома!

– Мама нет! – крикнул в ответ Джейк.

Покосившись на часы, он с удивлением отметил, что дело близится к семи вечера. Хотя ничего странного тут не было: с тех пор как маму повысили, она приходила с работы позже отца. Джейк понял, что голоден, и добавил:

– Что у нас на ужин?

– Черт его знает, – ответил отец, заглянув в гостиную.

Он развязал галстук и бросил портфель на ближайшее кресло. Отец Джейка работал юристом. «Ведущим юристом», как он всегда уточнял, из чего Джейк делал вывод, что зарабатывает тот много. Достаточно, чтобы содержать шикарный дом и покупать идеально сидящие костюмы в каком-то легендарном лондонском бутике. Во время британских командировок отец неизменно туда наведывался, чтобы предоставить актуальные мерки.

– Давай закажем что-нибудь, – предложил он Джейку. – Как дела, Саймон? Останешься на ужин?

– Да не. – Саймон вскочил с дивана. Еще одна штука, которую он терпеть не мог, – вести вежливые беседы со взрослыми. – Я пойду. Увидимся, Джейк!

– А может, и не увидимся, – пробурчал Джейк себе под нос, как только Саймон исчез.

– Мама звонила? – поинтересовался отец, прислонившись к дверному косяку.

Его светлые волосы раньше времени поседели. Глаза ярко-орехового оттенка смотрели пронизательно. Когда-то он был спортсменом Лиги плюща и еще не утратил былой формы. В беге на короткую дистанцию он обгонял сына. Джейк отцом восхищался; он избежал периода подростковой вражды с родителями, в котором Саймон застрял со своими предками. И хотя черты лица Джейк унаследовал от матери, в поведении он так точно подражал отцу, что все вокруг замечали, насколько они похожи. Любопытно, думал Джейк, как легко заставить людей видеть то, что тебе нужно.

– Сегодня нет, – ответил он отцу.

Мать обычно звонила Джейку хотя бы раз в день, если не приходилось мотаться по советам.

– Все у нее дела, дела... – проворчал отец, доставая из кармана телефон. – Сейчас узнаю, скоро она или придется ужинать без нее. Ты не против вьетнамской еды?

– Конечно нет.

– Не понимаю, зачем мы столько денег угрохали на ремонт, если кухней никто не пользуется? – пробормотал отец.

Джейк знал зачем: чтобы кухня выглядела шикарно. Как и остальной дом. Когда несколько лет назад мистер Риордан стал партнером юридической компании, он переехал с семьей в один из домов на престижной улице, которая давно ему приглянулась.

– Веллингтон-авеню! – всякий раз восклицал он, проезжая мимо. – Здесь лучшие дома в городе!

Мать чаще всего улыбалась в ответ, хотя время от времени замечала, наморщив нос:

– Слишком уж они огромные!

– Дом не может быть слишком большим, – возражал отец.

Джейк его в этом поддерживал. Кто откажется от пяти гостевых спален, игровой комнаты, полностью оборудованного подвала, каких почти не встретишь в округе, и огромного

двора с идеально вписанным в ландшафт бассейном? Джейку теперь оставалось одно: найти правильных, под стать этой роскоши, друзей.

И правильную девушку.

Внезапно отец нахмурился.

– Кто это? – рявкнул он, прижимая телефон к уху. – Вот как? Это номер моей жены, почему отвечаете вы? Да уж, будьте любезны. – Последовала пауза, затем отец воскликнул: – Кэтрин?! Ты домой вообще собираешься?

Джейк схватил наушники, воткнул провод в разъем телефона и включил музыку. Он не любил, когда в голосе отца появлялись стальные нотки – как будто на тебя заранее злятся, даже если ты ничего не сделал. Когда Скотт Риордан повышал голос, впору было лезть на стену, а с женой он все чаще разговаривал именно так.

Джейк пришел к выводу, что безопаснее отгородиться. Ведь если ты ничего не видишь и не слышишь, то и беспокоиться не о чем.

Глава 6

Нейт

Пятница, 3 июля

– Кто за? – спрашивает Сана.

Все мои соседи поднимают руки. Уже понятно, что вопрос решен, но Сана – ярая сторонница правил.

– Кто против?

Я тяну руку вверх. Сана, возмнившая себя главной по дому, хотя переехала сюда всего пару месяцев назад, глядит на меня, а следом – на девушку, что примостилась со мной рядом на одном из кривобоких диванов в гостиной.

– Ты здесь не живешь, Бронвин. А значит, не имеешь права голоса.

– И все равно я против, – с вызовом говорит Бронвин, еще выше вскидывая руку.

– Итак, решение принято. – Сана стучит по журнальному столику костяшками пальцев, изображая молоток судьи. – Ходатайство с просьбой оставить Регги Кроули в нашем доме удовлетворено.

Еще сильнее выпрямив спину – даже не знал, что такое возможно, – Бронвин заявляет:

– Вы совершаете огромную ошибку!

Почесывая подбородок, я обвожу взглядом соседей. Я знал, что мы проиграем (что я проиграю), но, встречаясь с Бронвин Рохас, нельзя просто закрыть глаза, если дело дрянь. Нужно непременно *что-то предпринять*, пусть даже в этом нет никакого смысла.

А затем еще и обсудить.

– Потакая Регги, вы ставите любого, кто придет в этот дом, под угрозу! – продолжает Бронвин.

– Вообще-то, по его словам, девушка знала, что ее снимают, – замечает Цзяхао, откидывая со лба пышную выбеленную челку.

– И ты ему веришь? – Я закатываю глаза.

– Некоторых такое заводит, – пожимает плечами Цзяхао. – Тут не нам судить.

– Да уж, не тебе. Но как насчет людей, которые учились с Регги в школе и давно слышаны о его дурацких замашках? – не сдается Бронвин. – Он никогда не спрашивал разрешения! Поверьте, бедняжка понятия не имела, что ее снимают, и уж точно не подозревала, что он кому-то это видео покажет.

Поэтому мы и собрались: в прошлые выходные я застукал негодяя Регги Кроули, когда он показывал Цзяхао и еще одному нашему соседу – Дикону – домашнее порно. Парни знатно перебрали, так что их не слишком волновало, где и как Регги раздобыл эту запись. А я сразу понял.

Я пошел напрямик в его комнату, закрыл дверь, задернул шторы и, включив на телефоне фонарик, поискал подозрительные отблески. Оказалось, камера встроена в будильник. Я его разбил, хотя сомневаюсь, что это остановит Регги от покупки нового. Выдворение из дома тоже проблемы не решит, но, по крайней мере, мы сделаем хоть что-то.

– Кто-нибудь из вас видел «ТикТок» Катрины Лотт? – интересуется Бронвин.

Судя по недоумевающим взглядам, ответ отрицательный. Никто из моих соседей, кроме Регги, не учился в одной школе с Катриной. Она окончила «Бэйвью-Хай» в один год со мной и Бронвин и, сама того не ведая, стала звездой первого порнофильма Регги. Тогда эту историю замяли, а после выпускного Катрина уехала в Портленд. А несколько месяцев спустя она

записала ролик о том, как хреново себя чувствует после всего случившегося. Это признание посмотрела почти вся школа, и я возненавидел Регги еще больше.

– Обязательно посмотрите! – настаивает Бронвин. – Я отправлю вам ссылку.

– Окей, – говорит Сана. – Но пока большинство победило.

Сана ни за что не признается, что голосовала «за» по финансовым причинам. В июле непросто найти нового жильца, особенно в развалюху вроде нашей – без кондиционера и с тесными клетушками-спальнями. Если вышвырнем Регги, остальным придется платить на сто пятьдесят баксов больше. У Саны с деньгами еще хуже, чем у меня, а у Цзяхао, Дикона и Кристал – немногим лучше. В этом доме никому не помогают родные.

А может, остальные, как и я, не хотят эту помощь принимать. Мама каждый месяц выписывает мне чек, но я не трачу ни цента, чтобы вернуть ей деньги, если она снова сорвется и попадет в реабилитационный центр. Или отец.

– На этом все, надеюсь? – Дикон с зевком встает с кресла, распрямившись во весь свой почти семифутовый рост, и все, кроме меня и Бронвин, следуют его примеру.

– Вот вы идиоты, – ворчу я.

Дикон разводит руками.

– Регги – полный урод, но мы-то что можем сделать?

– Даже не знаю, Дикон. – Я устало вздыхаю. – Может, *вышвырнуть его*?

Мои соседи выходят, и только Сана задерживается у двери между гостиной и коридором. Ее застиранная хлопковая юбка подметает половицы, которым более тщательная уборка явно не светит. Сана напоминает олдскульную фолк-звезду в своих длинных струящихся одеяниях и с неизменной повязкой на голове. Она и на гитаре играет, правда паршиво, к тому же знает всего одну песню. Думаю, даже через много лет, услышав по радио Time of Your Life², я сразу вспомню этот дом.

– Регги будет паинькой, – обещает мне она. – В том числе на завтрашней вечеринке. Пусть только попробует запереть дверь в спальню!

Я прыскаю от смеха.

– Так он тебя и послушал, Сана. Размечталась.

– Послушает. Уж поверь, – бросает она напоследок и поднимается к себе.

Когда Сана пропадает из виду, Бронвин тихо произносит:

– Ты это и так знаешь, но я ей не верю.

– Угу, – бормочу я.

Это все, что я сейчас могу сказать. Мне будто сдавило грудь, как тогда в загородном клубе. Словно весь воздух из комнаты высосала единственная тлетворная мысль: *некоторые вещи никогда не меняются*. Сперва Джейк Риордан, теперь вот Регги. Какой смысл поступать по совести, когда всякие уроды прут напролом и получают что хотят?

– Мы еще поборемся, – подбадривает меня Бронвин. – Только нужен другой подход. – Затем она смотрит на меня – как в душу заглядывает – и добавляет: – Но нам не обязательно искать его сию же секунду.

Я улыбаюсь уголками губ:

– Неужели Бронвин Рохас потеряла хватку?

– Ничуть. Просто научилась вовремя делать паузу. – Она придвигается ближе и кладет ноги мне на колени. – Давай поговорим о чем-нибудь другом. Например... о фильме, который ты жаждешь со мной посмотреть. Как там его?..

– «Женщина-демон»?

Бронвин еще не зафанатела от японских ужастиков, но это не значит, что я прекратил попытки ее приобщить.

² Песня американской панк-рок группы Green Day.

– Точно. Это старый фильм, да?

– Ага, шестидесятых годов.

Она перебирает пальцами волосы у меня на затылке.

– А крови много?

Поглаживая ее колено, я чувствую, как потихоньку исчезает злость.

– Меньше, чем обычно.

– Это радует.

– К тому же убивают в основном женщины. Ты оценишь.

Наклонившись, Бронвин медленно, нежно целует меня в щеку.

– Не сомневаюсь, – воркует она, и мне все сложнее себя контролировать...

– Твой отвлекающий маневр слишком очевидный, – замечаю я.

Бронвин целует меня в другую щеку, затем ее губы спускаются к шее.

– Тебе что-то не нравится? – с улыбкой спрашивает она.

Как только я прижимаю ее к себе, мрачные мысли испаряются.

– Шутишь? – усмехаюсь я и прикасаюсь к ее губам своими.

Наши тела сливаются в единое целое, словно складываются детали мозаики, о существовании которых я вспоминаю, лишь когда рядом Бронвин. Я толкаю ее на подушки и целую еще яростнее, мои руки проникают под ее рубашку... И вдруг Бронвин, смеясь, отстраняется.

– Только не здесь. – Она поправляет очки, почти сползшие с носа. Ее волосы растрепаны, щеки залиты ярким румянцем. Обожаю! – Вдруг кто-то из твоих соседей вернется?

– Тогда идем в мою комнату? – с надеждой предлагаю я.

– Через десять минут мне надо встретиться с Мейв.

– Нам хватит.

Не успеваем мы пошевелиться, как слышим звонок в дверь.

– Чур, не я! – орет с кухни Дикон.

Бронвин соскальзывает с меня, и я хмуро плетусь открывать.

– Девяти с половиной минут мне тоже хватит, – замечаю я напоследок.

Я ожидаю увидеть курьера или какого-нибудь еще типа, которым Кристал периодически гадает на картах Таро, однако на пороге стоит кое-кто другой.

– Привет, пап, – говорю я, открывая дверь шире. – В чем дело?

– Здравствуй, Нейт. – В руках у него картонная коробка. – Мне привезли твой порошок для ящериц.

– Прости. – Я беру коробку. С прошлого года я подсыпаю питомцу в еду кальциевый порошок – еще одна рекомендация от Бронвин, которая не слишком-то радует Стэна. В интернет-магазине, где продаются эти добавки, я изначально указал старый адрес, и теперь, делая заказ, иногда забываю вбить новый. – Я мог бы и сам заехать.

– Я все равно шел на работу, – отвечает отец, переминаясь с ноги на ногу.

Вообще-то он сейчас работает в «Бэйвью-Хай», а я живу далеко от школы. Впрочем, без лишних слов я впускаю его в дом. Бросив пить, он похудел, поэтому полинявшая футболка и старые джинсы висят на нем. Мать накупила ему новых вещей, но месяц назад она все-таки переехала в отдельную квартиру, и теперь никто за его одеждой не следит. Я поневоле задерживаю взгляд на его пальцах – нет ли дрожи, верного признака того, что отец сорвался. Не знаю, прекращу ли когда-нибудь эти проверки.

– Хочешь, посидим у меня? – предлагаю я, при этом с грустью понимая, что лишаю себя без малого восьми минут наедине с Бронвин.

Я не в обиде на мать за то, что она съехала: от их с отцом брака все равно осталось одно название. Она и так жила у нас больше года, помогая отцу встать на ноги и пройти реабилитацию. Мать заслуживает комфортного личного пространства, да и вряд ли она удержит отца,

если его потянет к спиртному. Это под силу лишь ему самому. Отец пока не привык жить один, поэтому то и дело под разными предлогами заходит ко мне.

– Да нет. Пойду я. Ты, вижу, занят, – отвечает отец, вглядываясь в холл за моим плечом. – Здравствуй, Бронвин! Рад тебя видеть.

– Взаимно, Патрик. – Бронвин подходит к нам. Ее волосы уже гладко зачесаны в привычный хвост. Не знаю, когда отец успел стать для нее просто «Патриком», но ему явно это нравится. – Я уже собиралась уходить. Хорошо, что мы не разминулись. Я тут подумала... Может мы с Нейтом как-нибудь заедем к вам в гости, приготовим ужин? Как насчет следующей недели? Бабушка поделилась со мной новым рецептом санкочо³, и у меня уже руки чешутся его опробовать – если, конечно, вы не против стать моим подопытным.

Отец улыбается, отчего на его изнуренном лице сильнее проступают морщинки, и на мгновение я вижу, что имеет в виду мать, когда говорит: *«Вы двое так похожи»*.

– Конечно! Я с удовольствием. Как только у Нейта выдастся свободный вечер, – добавляет он, с надеждой глядя в мою сторону.

Не устану повторять, что моя девушка в миллион раз лучше меня. Это я должен был подать идею о совместном ужине.

– Может, в среду? – предлагаю я.

– Отлично! – улыбается Бронвин.

– Буду очень ждать, – говорит отец. Затем он неуверенно делает шаг назад, как будто собирается уходить, однако замирает. – Послушай, Нейт... ты точно не забрал по ошибке мои ключи? Нет, не от дома, – поясняет он, не позволив мне возразить. – Те я нашел ровно там, где ты сказал. Я про рабочие ключи. Они как сквозь землю провалились!

– Точно не брал, – говорю я, чувствуя нарастающее беспокойство.

Отец наконец-то вылечил спину, которую повредил много лет назад во время кровельных работ. Конечно, новость хорошая, но из этого следует, что с точки зрения властей он теперь трудоспособен и ему ни в коем случае нельзя терять место в школе. Иначе его счета будем оплачивать мы с матерью, а для меня это означает третью работу и...

Бронвин ободряюще берет меня под руку. Я считаю: *«Решай проблемы по мере поступления»*. Она повторяет мне эту мантру всякий раз, когда мячики, которыми я жонглирую, рискуют посыпаться мне на голову.

– А вы не могли оставить ключи на работе? – спрашивает Бронвин.

– Вряд ли... – задумчиво отвечает отец. – Хотя возможно. Я... Иногда у меня мозг как в тумане, понимаете?

– Ага, – киваю я. – Попробуй вспомнить, где конкретно был и что делал, повтори свой маршрут шаг за шагом. Хочешь, помогу с поисками?

Не уверен, что окажусь полезен, но мне нужно как-то скоротать час перед сменой в загородном клубе.

– Я сам. – Отец оттягивает резиновый браслет, и тот щелкает ему по запястью. Этот способ борьбы со стрессом предложила мать, и теперь браслет постоянно у отца на руке. – Не стоит тебе сегодня заходить в школу, Нейт. Да и завтра... и еще какое-то время...

Не нравится мне его бегающий взгляд.

– Это еще почему? – с тревогой спрашиваю я.

Если он носит на работу выпивку, я его убью. В переносном смысле, конечно. Хотя кто знает...

– Понимаешь, в школе иногда тренируется... тот парень, – рассказывает отец. – Со своим инспектором по надзору. Или кто он там. В общем, с каким-то типом в форме.

³ Популярный в Латинской Америке густой, наваристый суп из мяса, птицы или рыбы и овощей.

Похоже, у меня тоже затуманился мозг, потому что до Бронвин гораздо быстрее доходит, о ком речь.

– Джейк Риордан? – выдыхает она, вцепившись мне в руку. – Это точно он? Как его вообще подпустили к школе?

– Он самый, – подтверждает отец. – Видел его на спортивном поле. Думаю, суд разрешил ему небольшие пробежки на стадионе. – Увидев в моем взгляде изумление и отвращение, отец поспешно добавляет: – В саму школу его, конечно, не пускают.

– Не удивлюсь, если и туда пустят, – едко замечая я.

Как ни старайся выкинуть ублюдков вроде Регги и Джейка из головы, они все равно о себе напомнят. Потому что люди *развязывают им руки*.

– Да уж... – Отец вновь щелкает резинкой на запястье. – Знаю, когда все начиналось, я не особо вникал в происходящее, но... Мне не нравится, что этот парень там ошивается. Что он вообще на свободе, если честно.

Отец не особо вникал в происходящее, потому что частенько валялся в отключке, однако я верю в его искренность.

– Мне тоже, – говорю я.

Чем дольше Джейк будет разгуливать по улицам Бэйвью, как самый обычный горожанин, тем больше людей поверят, что так оно и есть. И будущий *беспристрастный судебный процесс* может принять неожиданный оборот. Присяжные, которые должны считать его преступником – каковым они когда-то считали меня, – увидят в нем лишь примерного соседа.

Некоторые вещи не меняются никогда.

Глава 7

Эдди

Суббота, 4 июля

Бывают расслабленные субботы, бывают активные, а бывают как эта – поход в Бэй-вью-молл на Четвертое июля с беременной сестрой и матерью, вылившийся в противостояние, поскольку Эштон наотрез отказывается выкладывать три тысячи за колыбель в форме кокона из модного детского магазина Le Petit Ange⁴.

– Ну же, Эштон, посмотри! – уговаривает мама, проводя рукой по гладкому светлому дереву. – Так стильно смотрится! Когда вы с Эдди были младенцами, таких колыбелек не делали.

– Она похожа на мини-солярий, – замечает Эштон.

Я барабаню пальцами по прозрачной акриловой вставке с гравировкой в виде звездочек:

– Или на огромную салатницу.

Сестра прыскает от смеха. В «Бэйвью блейд» писали, что это магазин «для самых стильных, следящих за трендами родителей», к каковым уж явно не отнесешь ни Эштон, ни Эли. Впрочем, попробуйте втолковать это нашей маме.

– Вы обе ничего не смыслите в дизайне, – сетует она.

Для сегодняшнего похода по магазинам мама нарядилась как на подиум: узкие белые брюки, золотистые босоножки, узорчатый топ на запах. И да, признаю: выглядит она потрясающе. Как и Эштон в бледно-голубом сарафане, подчеркивающем чуть округлившийся живот. Я ложка дегтя в нашей бочке стиля, так как пришла в форме официантки кафе «Континго» – безрукавке и шортах, – а волосы с фиолетовыми прядями зачесала назад и заколола крабиком в форме цветка. Должно быть, заколола косо, потому что мама протягивает руку и поправляет мне прическу, попутно замечая:

– А еще эта колыбелька превращается в самую милую на свете кроватку для малышек постарше.

– Только без бортиков, – говорит Эштон, изучая глянцевую схему сборки, вывешенную рядом с колыбелью. – Бедный ребенок оттуда выпадет.

Мама взмахивает наманикюренной рукой:

– Уверена, бортики можно докупить.

– За тысячу баксов, – бормочет сестра себе под нос.

– Хотя бы возьми этот вариант на заметку. А я пока посмотрю детские стульчики.

Наблюдая, как мама пробирается среди вешалок и манекенов в дальний отдел, Эштон признается:

– Мне не хватило духу ей сказать, что мы берем подержанную колыбельку у двоюродной сестры Эли.

– Да знает она, что ты в жизни не выложишь три тысячи за детскую кровать. Просто хочет почувствовать себя любящей бабушкой – клиенткой подобных магазинов. Купи какую-нибудь мелочь – и она растает. К примеру... – Я оглядываю ближайший стеллаж и наугад выхватываю крошечную пижамку с узором из белых и серых слонят. – Как тебе?

Эштон расплывается в улыбке.

⁴ Ангелок (фр.).

– Какая прелесть! – Она переворачивает ценник, и ее брови взлетают вверх. – Триста баксов! – Я заталкиваю пижаму обратно на полку, а сестра вздыхает: – Тут явно не думают о детях дизайнеров-фрилансеров и юристов из некоммерческих фирм.

– Кстати, о юристах...

– Ничего нового, – быстро подхватывает Эштон.

Она сразу понимает, куда я клоню, и, надеюсь, признательна за то, что я вытерпела час с лишним, прежде чем спросить, есть ли у Эли новости про Джейка. Я не видела бывшего с тех пор, как его выпустили, – в основном потому, что запомнила, где ему разрешено появляться, и старательно обходила эти места. «Бэйвью-молл», к примеру, – безопасная зона.

– По крайней мере, ничего нового о *нем*, – поясняет сестра.

Она никогда не произносит имя Джейка без надобности. Я улавливаю в ее голосе напряжение, поэтому спрашиваю:

– Но что-то все-таки есть?

Эштон бросает взгляд туда, где мама увлеченно разглядывает высокие стульчики, больше похожие на миниатюрные дорогушки стрелялки.

– Да. Кое-что... это никак не связано с тобой, – спешит успокоить сестра, увидев, какие эмоции отразились у меня на лице. Наверное, ужас и паника. – Эли кое-что беспокоит... Помнишь билборд на Кларендон-стрит? О котором все судачили неделю назад. Про новую игру и все такое.

– Помню, конечно, – киваю я. Мама убеждена, будто это скрытая реклама летних матчей с участием Купера, и отмахивается от моих доводов, что бейсбол – отнюдь не новая игра, а правил в нем больше, чем одно. – И что встревожило Эли?

– Этот билборд многим подпортил настроение. Крайне бестактная реклама, учитывая недавнюю историю с Брэндонем и Джаредом. Как будто некая фирма решила нажиться на печальных событиях, хотя не выдала ни своего названия, ни продукта. В общем, люди пожаловались в агентство, которому принадлежит билборд, и выяснилось... – Эштон на миг замолкает, потому что мимо проталкивается взмыленный отец с двухместной коляской. – Выяснилось, что билборд хакнули!

– Хакнули? – удивляюсь я.

– Ага. Он же электронный, управляется рекламной компанией: кто-то взломал их систему и поменял объявление. Работники агентства вернули свой баннер на место и теперь разбираются, в чем дело, но пока ничего не выяснили. Может, пранкеры постарались, но... – Протянув руку, Эштон гладит бархатистую пижаму со слониками. – Эли боится, как бы это не оказался кто-то с форума мстителей. Ну, знаешь... последователь Джареда.

– Только не это. – У меня екает сердце.

Джаред сидел на форуме под названием «Я мститель», куда заходило много озлобленных людей – фанатов Саймона. Когда Эмма выяснила, что ее отец погиб из-за Брэндона, она нашла этот форум и начала общаться с Джаредом. Увы, продолжение этого знакомства вошло в печальную хронику нашего города – включая тот факт, что мужа моей сестры преследовал террорист.

А следовательно, и мою сестру тоже. Я поневоле перевожу взгляд на ее живот, и Эштон инстинктивно прикрывает его рукой.

– Мужу никто не угрожает, – быстро заверяет она. – Нет повода думать, что послание было адресовано ему, но переволновался он сильно. Даже собрал у себя в офисе оперативную группу, чтобы расследовать это дело.

– Как именно расследовать? – интересуюсь я. – Форум мстителей ведь заблокировали.

– Сама знаешь, как оно бывает. Такие сборища очень живучие. Их запрещают, а они всплывают где-нибудь под другим названием.

Конечно, сестра права. Видимо, зря я надеялась хотя бы на один спокойный год без саймоновских фан-клубов.

– Давай подключим к делу Мейв! – предлагаю я. – Она же спец по...

Эштон останавливает меня взмахом руки:

– Эли не хочет ее впутывать.

– Ой, да ладно! – Я нервно тереблю сережку в ухе. – Когда он уже признает очевидное? Если бы не Мейв и Нокс, мы все погибли бы!

Последнее я произношу громче, чем следует, и две элегантные женщины, выбирающие боди для младенцев, косятся в нашу сторону.

– Тс-с-с! – Сестра уводит меня в более тихий уголок магазина. – Знаю, – говорит она, останавливаясь перед шкафом с одеяльцами. – Но Мейв и Нокс – подростки. Они еще школу не окончили. Если объявился новый Саймон или Джаред, твоим друзьям опасно к нему приближаться.

– А тебе – не опасно? – возражаю я. – Эш, поживи пока у папы в Чикаго, ладно?

Она натянуто улыбается.

– Эли говорит то же самое.

– Тогда поезжай! Не тяни с этим.

– Не могу, – вздыхает она. – Вернее, могла бы, но не буду. Вся моя жизнь – здесь, Эдди. Здесь мой муж. Он занят очень важной работой и порой имеет дело с неуравновешенными людьми. И что? Не уезжать же мне каждый раз...

– Зато ты будешь в безопасности! И малыши тоже. – Мой голос звучит увереннее, когда я вспоминаю о нераспечатанном конверте с надписью «*Ребенок Кляйнфельтер-Прентис*».

– Не вижу, чтобы *ты* рвалась к отцу, – замечает Эштон.

Я быстро отмела этот вариант. Моя мачеха Кортни пригласила меня сразу же, как услышала новости про Джейку. Очень мило с ее стороны, но мы едва друг друга знаем, и я даже представить не могу, как долго выдержу в тесной квартирке с отцом, Кортни и ее тремя детьми-младшеклассниками.

– У меня другая ситуация.

– Почему?

– Ну, во-первых, я не беременна!

Мы сердито глядим друг на друга. Первой сдается Эштон.

– Прости, Эдди, – говорит она с печальной улыбкой. – Я неправильно расставила акценты. Напугала тебя, а ведь совсем не хотела. Эли всего лишь решил перестраховаться. Все будет хорошо.

– Откуда тебе знать? – Я оглядываюсь на маму, которая, похоже, осмотрела уже все стульчики. – Кстати, мама в курсе?

– Еще нет. Рассказывать пока особо нечего.

– Да и смысла нет, – бормочу я. – Вряд ли она обеспокоится.

Эштон поджимает губы.

– Вообще-то она вся на нервах из-за Джейки.

– Потому что его выпустили? Все из-за этого на нервах.

– Нет. Она жалеет, что поддерживала ваши отношения.

Я удивленно замираю. Пару лет назад мама настолько симпатизировала Джейку, что постоянно повторяла, как мне с ним повезло, и боялась, что он меня бросит. Всю мою жизнь, даже когда я еще не встречалась с мальчиками, мама подстегивала меня быть самой красивой, успешной и услужливой версией Аделаиды Прентис. Я так старалась стать идеальной, что к семнадцати годам полностью утратила представление о себе. И до сих пор пребывала бы в неведении, если бы история с Саймоном не вынудила нас с Джейком расстаться. После того,

как Джейк напал на меня и попал в тюрьму, мамино к нему отношение изменилось как по щелчку, и она сделала вид, что с самого начала его ненавидела.

– Она мне такого не говорила, – замечаю я.

Или не нашла возможности. После истории с Джейком я немедленно переехала к сестре, а теперь, когда пришлось вернуться, очень редко бываю дома.

– Вам с ней явно не мешает пообщаться, – замечает Эштон. Я корчу недовольную гримасу, и сестра добавляет: – Дай ей шанс, Эдди. Ты, кстати, рассказала ей про Кили?

– Нет, конечно!

Я годами не делилась с матерью своими переживаниями, к тому же сама не до конца в них разобралась.

– Надо же с чего-то начинать. А мама...

– Она идет сюда, – шепчу я, так как мама на всех парусах мчится к нам, размахивая чем-то настолько крошечным, что я не могу разглядеть.

Когда она подходит ближе, я различаю пару вязаных пинеток цвета слоновой кости, украшенных атласными бантами и мехом. Надеюсь, искусственным.

– Я беру их тебе в подарок, – сообщает она сестре и направляется к кассе.

Я едва успеваю зацепиться взглядом за ценник: семьдесят пять долларов. Что ж, могло быть хуже. Гораздо.

– Спасибо! – кричит ей вслед Эштон, а затем включает свою фирменную улыбочку «давай-сменим-тему»:

– Подкинем маме пару идей, где пообедать? Иначе она потащит нас в тот ресторан, где все блюда называются как коктейли.

– Давай, – соглашаюсь я, доставая из кармана телефон. – А потом мне надо будет купить чипсов для вечеринки у Нейта. Я их принесу от его имени, раз уж сам он наотрез отказывается что-либо покупать. Вот только спрошу, какие он любит.

– Ладно, встретимся у кассы.

Я открываю список контактов, но не спешу писать Нейту – ясное дело, ему до лампочки, какие чипсы я выберу. В своем недавнем сообщении он уже все прояснил:

«Нашла из-за кого переживать. Они этого не заслуживают».

Вместо этого я набираю Мейв:

«Нужна твоя помощь».

Глава 8

Фиби

Суббота, 4 июля

Отправляясь к Нейту на вечеринку в честь Четвертого июля, я велела себе выбросить из головы все тревоги и хорошенько повеселиться. А теперь никак не могу отвести взгляд от пуговицы Нокса.

На нем пепельно-голубая рубашка с закатанными рукавами, и вторая сверху пуговица застегнута лишь наполовину. Если бы я не заморачивалась над каждым движением в сторону Нокса, я протянула бы руку и все поправила. Но позволяет ли наш новый договор такое вмешательство в гардероб? К тому же не исключено, что мои пальцы на этом не успокоятся – смахнут несуществующую пылинку, поправят воротник, с которым и так все в порядке... Пуговица – это всего лишь предлог. Или метафора?

– Фиби? – говорит Нокс. – Ты меня слушаешь?

– Что? – Хлопая глазами, я гляжу на него и Эдди, которой очень идет бледно-розовое платье-футболка. Недавно она покрасила волосы в серебристо-сиреневый, отчего ее лицо буквально засияло. – Извини, задумалась... – Мой взгляд вновь замирает на пуговице, и я, не касаясь Нокса, указываю пальцем: – У тебя тут расстегнуто. Точнее, не до конца застегнуто.

– Правда? – Нокс опускает взгляд, а затем, протянув мне свою кружку с имбирным элем, разбирается с пуговицей. Вот и нет у меня больше повода пялиться. – Спасибо. Вечно я косячу.

Тем временем мимо дефилирует соседка Нейта – Кристал. Не обращая ни малейшего внимания на меня, она машет Эдди, окидывает взглядом Нокса и вдруг расплывается в улыбке. Резко изменив направление, она прибавляется к нашей компании.

– Ты это сделал! – весело отмечает она, подцепив пальцем волнистую каштановую прядь, падающую Ноксу на лоб. – Отрастил волосы! Когда он в прошлый раз приходил, я так ему и посоветовала, – поясняет она нам с Эдди. – Сказала, что он красавчик, а станет еще круче – и видите, оказалась права!

Я энергично киваю, стараясь скрыть ревность. В конце концов, не Кристал виновата в моих бедах. Тем не менее она все еще гладит его волосы, и я жду не дождусь, чтобы это прекратилось.

– Да, ты была права, – говорю я.

Эдди по-свойски поддевает Нокса плечом.

– Вообще-то ты тогда сказала, что я «ничего», – поправляет он с кривой усмешкой, которая всегда появляется, когда он растерян и польщен одновременно.

– Правда? Что ж, официально объявляю тебя красавчиком! – Кристал смахивает невидимую соринку с его рубашки. Так нечестно – предвосхитила все мои действия! – Кстати, сколько тебе лет?

– Семнадцать, – отвечает Нокс.

– Эх, – вздыхает она и уже по-сестрински хлопывает его по руке. Всем соседям Нейта, за исключением Регги, уже за двадцать. – Совсем зеленый. – Уходя, она добавляет: – Поговорим через пару лет.

– Ты и глазом не моргнешь – а мне уже восемнадцать! – выкрикивает Нокс ей вслед.

– Да ладно? – усмехается Эдди, когда Кристал скрывается из виду. – Ты на нее запал?

– Это вряд ли. Не мой типаж, – отнекивается Нокс. Он задерживает на мне взгляд карих глаз, и у меня по телу пробегает легкая дрожь. Пока он не добавляет: – Да и я едва ли в ее

вкусе. Она из вежливости меня нахваливает. Но все равно приятно. Моя прическа нечасто получает комплименты.

– Если перестанешь тусоваться только с нами и выйдешь из угла – девчонки тебе проходу не дадут, – заверяет Эдди.

Нокс, покраснев, опускает голову, а я подбадриваю себя громадным глотком пунша. Пока такое чувство, будто всю эту вечеринку затеяли, лишь бы меня помучить.

Глаза у Эдди вспыхивают радостью.

– Ну наконец-то! Мейв и Луис! – Она им машет, встав на цыпочки, а как только они подходят ближе, спрашивает: – Ну как? Ты что-нибудь нашла?

– Издеваешься? – фыркает Мейв. – Я только начала.

Эдди демонстративно глядит на запястье, хотя часов не носит.

– Прошло уже шесть часов!

– И почти все это время я крутила педали, – скривившись, бурчит Мейв.

Я вновь отпиваю из кружки, стараясь проникнуться праздничным духом.

– И как успехи?

– Средне, – отвечает Мейв, отводя глаза. Странно. Мейв избегает чужого взгляда, когда что-то недоговаривает, однако прохладное отношение к велоспорту она никогда не скрывала. Я начинаю нервничать. Вдруг она узнала про форум мстителей такое, о чем не хочет сообщать Эдди? Но тут Мейв берет Эдди за руку и говорит: – Завтра я выделю на поиски весь день. Если форум куда-то переехал, я его найду. Обещаю.

Мейв вся какая-то непривычно скованная, зажатая, и я подозреваю, что это не связано с долгой поездкой на велике.

– Пойду раздобуду нам с Мейв выпить, – говорит Луис, оглядывая нашу компанию. Пока здесь только я, Эдди и Нокс. Купер и Крис не придут, а Нейт при поддержке Бронвин спорит в другой комнате с кем-то из своих соседей. – Что-то еще принести?

– Пунша, пожалуйста, – прошу я.

– Без проблем. – Он уже собирается уходить, когда Нокс заглядывает в мою опустевшую кружку.

– Я же подливал тебе пунша пять минут назад.

– В горле пересохло, – оправдываюсь я. Вообще-то нет, просто я на взводе – как и почти все недавнее время. Мейв так долго глядит в пространство между нами, что у меня вырывается:

– В чем дело?

– А? – вздрагивает она, уставившись куда-то за мое плечо.

– Ты странно на меня смотришь. Точнее... не смотришь, – говорю я.

Она наконец встречается со мной взглядом, и у меня заходится сердце. Ее что-то беспокоит, и это что-то явно связано со мной. Может, она наткнулась на Оуэна во время своих изысканий? Вдруг он хвастается где-нибудь в Сети, что отомстил Брэндону? Ясное дело, он не дурак, чтобы себя называть, вот только Мейв прекрасно подмечает детали.

– Что ж, ладно... – Она достает из кармана телефон и проводит пальцем по экрану. – Как я уже говорила, мстителей с форума я не нашла, зато... Вы, ребята, в курсе, что в «Инстаграме» есть аккаунт, посвященный Джейку и его перемещениям?

Внутри у меня все леденеет. Эдди с шумом втягивает ртом воздух.

– Я не знала, но удивляться тут нечему, – говорит она. – И чем же он занят? Хотя, наверное, мне лучше не видеть.

– Тебе не о чем волноваться, – говорит Мейв, продолжая листать «Инстаграм». – А вот Фиби... Это ведь твоя машина, да? И твои кроссовки?

Она поворачивает к нам экран, а там... Джейк Риордан собственной персоной! Помогает мне с колесом. Отлично видны бампер и номер моей машины, а вдобавок – мои розовые «найки». Эта пара – с серебристыми шнурками – красуется на мне и сейчас. Эдди с Ноксом

изучают фотографию, а затем в изумлении переводят взгляд на мои ноги. У меня перехватывает дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.